

Лана Барсукова

«Проза Ланы Барсуковой легко читаема, искренна и иронична. Она будет близка и интересна читателю».

Мария Метлицкая

Сочини мою жизнь

Лана Барсукова
Сочини мою жизнь

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Барсукова Л.

Сочини мою жизнь / Л. Барсукова — «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-105856-2

Молодая журналистка Таня Сидорова получает предложение написать биографическую книгу о бизнесмене-политике. Его жизнь похожа на приключение: полна загадок и авантюр. Знакомство с таким мужчиной не проходит бесследно, Таня влюбляется. Но в борьбе за депутатский мандат не обходится без интриг. Девушке предстоит сделать сложный выбор. Сентиментальный роман с элементами социальной сатиры для тех, кто умеет думать, ценит юмор и верит в любовь.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-105856-2

© Барсукова Л., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Станный заказ	8
Глава 2. Заветный список	14
Глава 3. Шарпей с глазами волкодава	17
Глава 4. Стремительная Варвара	29
Глава 5. Молочно-патриотический блюз	36
Глава 6. Наперсток с прорезью	39
Глава 7. Прекрасная Валерия	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Лана Барсукова

Сочини мою жизнь

© Барсукова С., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Развитию капитализма в России посвящается

Пролог

Жарким июльским утром девушка с адидасовской сумкой через плечо шла по вокзальной площади. Вокруг было полно народу. На то это и вокзал, чтобы создавать вокруг себя людскую воронку. Кто-то провожал, кто-то встречал, кто-то торговал трижды разогретыми беляшами вчерашнего производства. Людей было много, и у всех – возбужденные и озабоченные лица, без которых неприлично занимать место на вокзальной площади.

Солнце палило, не скупясь на лучи. Облачка попрятались, а может, просто испарились. Асфальт плавился, деревья изнемогали, кошки и собаки лениво разметали свои тела в тени. Все живое потеряло желание двигаться. И только люди, как самые выносливые существа на свете, продолжали нести багаж, хлопотать, суетиться, торговать беляшами и даже их есть.

Девушка шла вперед, пересекая вокзальную площадь с упорством муравья. Пот стекал по ее спине тонкими струйками, просачиваясь между худеньких лопаток, и достиг бы пяток, если бы не резинка от трусов. Трусы были самые простые, хлопчатобумажные, хорошо впитывающие влагу. Этим их достоинства исчерпывались. Девушка сэкономила на всем, что было скрыто от посторонних взоров.

Тратиться на красивые трусы ей представлялось непозволительной роскошью. Скромные сбережения и подаренные родителями деньги были тщательно распределены. За вычетом стоимости плацкартного билета до Москвы оставалось совсем немного, чтобы снять на первое время какое-нибудь жилье. Не важно где, лишь бы кинуть туда свою тяжелую сумку, оттягивающую плечо, и налегке ринуться в бой – найти работу и место под жарким столичным солнцем.

Москва давно работала по принципу пылесоса, вытягивая со всей России амбициозную молодежь. Сюда перетекали все победители школьных олимпиад и спортивных турниров, лауреаты и номинанты всевозможных конкурсов, королевы красоты и «золотые» голоса России – все, кому судьба намекнула на их исключительность, достойную столичной жизни. Сюда же, как по этапу, двигались главные воры страны, бандиты и шулера, киллеры и мошенники. И делали это исключительно добровольно, без конвоиров, следуя по пятам за богатыми людьми. Мятущиеся души российских пассионариев преодолевали притяжение родных мест и соскакивали с провинциальных орбит. Словом, все самое яркое и сильное, включая самое порочное и наглое, собиралось в Москве – городе, который концентрировал в себе мощные проявления человеческого духа в их светлой и темной ипостаси. Здесь ковалась особая порода людей, готовых терпеть толчею и суету, копить транспортную усталость и раздражение от вечной нехватки времени ради того, чтобы попытаться сделать свою жизнь яркой, насыщенной, результативной. У большинства не получалось. Но на то это и Москва, чтобы слезам не верить. Ни слезам, ни мольбам, ни клятвам, ни тем авансам судьбы, которые были получены дома.

Москва-пылесос вытянула девушку из ее в меру уютного гнездышка в компактном, застойном и мило-провинциальном городке, где она закончила журналистский факультет местного института. И вот она прибыла на вокзальную площадь Москвы с честолюбивыми планами «покорить» этот зарвавшийся город.

На Москву у нее были наполеоновские планы и полная уверенность в их осуществимости. По ее мнению, Наполеона подвело войско, которому хотелось греться у костров и произносить французские тосты под русскую водку. Если бы не армия, у Наполеона был бы другой финал. А она одна, ее никто подвести не может, ей легче, она победит. Конечно, историки нашли бы изъяны в ее логике, дескать, без войска Наполеон не взял бы Москву, но девушка была не историком. Она была журналисткой.

* * *

Будучи студенткой, Таня Сидорова даже не допускала мысли, что останется работать в своем городе. К окончанию учебы у нее выработалась стойкая привычка говорить не «город», а «городок». И этот уменьшительно-ласкательный суффикс свидетельствовал о многом. Нет, Таня не относилась к своему «городку» презрительно. Скорее снисходительно. Как будто она его переросла, он стал ей тесен.

Когда она стояла на высоком берегу реки, вдоль которой распластался их город и куда в обязательном порядке приводили редких, невесть откуда взявшихся в этих краях туристов, в ее взгляде читалось вовсе не презрительное равнодушие. Наоборот, ее лицо становилось взволнованным, а взгляд увлажнялся. Так смотрят взрослые люди на свои детские игрушки. Они их любят, дорожат ими, но не воспринимают всерьез. Все это в прошлом.

Так и Таня. Она очень любила свой «городок» и готова была дать отпор любому, кто позволил бы себе унижительно отозваться о нем. Но, защищая его, она точно знала, что это ее прошлое, которое почему-то еще длится, странным образом проникая в настоящее. Скорее бы уж закончилось это настоящее и началось будущее, которое совершенно точно будет связано с Москвой, где она станет властительницей дум.

Как безнадежно устарел бедняга Ленин, который считал, что для победы революции важно захватить вокзалы, почту и телеграф. Кому они нужны сейчас? В современном мире достаточно прибрать к рукам средства массовой информации. СМИ решают все. Ну или почти все. И Таня будет в числе тех небожителей, которые, как акушеры, присутствуют при рождении новых мыслей, новых желаний своих современников. Дух захватывало от таких перспектив!

При получении диплома она не просто приняла документ из рук декана, а нетерпеливо дернула его, ускоряя торжественную церемонию. Таня торопилась вперед, выше, дальше. Ей хотелось выйти на другую орбиту, ближе к солнцу. Казалось, что там теплее и ярче.

Путеводной звездой была Москва. В отличие от москвичей, Таня Сидорова знала, сколько маковок на соборе Василия Блаженного, поскольку календарь с изображением этого довольно аляповатого памятника архитектуры шестнадцатого века висел над ее письменным столом. В минуты душевных тревог и сомнений она поднимала глаза и считала эти маковки, разглядывала их непохожесть. Это успокаивало и возвращало веру в достижимость мечты. Купола, как доброжелательные заговорщики, словно подмигивали ей и обещали, что все получится.

Когда пришло время уезжать в Москву, Таня сняла со стены календарь и отрезала от него мелкие значки ушедших дат. Все эти январь-февраль стали прошлым и были без сожаления отправлены на свалку. Оставшуюся картинку Таня бережно скатала трубочкой и взяла с собой как талисман. Собор был похож на радугу, застывшую в камне, радостную и волнующую, как будущая Танина жизнь.

Глава 1. Странный заказ

Кто не знает, как устроен мир журналистики, представляет себе пространство, оформленное в соответствии с самыми современными дизайнерскими веяниями, по которому носятся энергичные люди, переполненные новостями и обуреваемые желанием поделиться ими со своими согражданами. На самом деле этот мир куда более прозаичен и куда менее импозантен. Его классический представитель – сутулый трудяга, уныло стучащий по клавишам компьютера и ежеминутно заглядывающий в сервисное окно под названием «статистика», потому что он уже изнемог, а заказанные тысяча слов о работе местного строительного треста или передвижного вырезателя все не складываются. Мечты об эпохальных статьях, наполненных глубоким смыслом и стилевым изяществом, быстро вытесняются потогонной системой, круговертью репортажей и заметок. Главным признаком профессионализма становится умение упаковать банальную мысль в нужное число строк, слов, печатных знаков. Неблагодарный народ при этом не желает начинать день с газеты или с телевизионных новостей. Тиражи падают, таща вниз гонорары.

Все это Таня узнала на себе. Прошло три года после ее приезда в Москву. Заштатная городская газета, которую Таня нашла «на первое время», так и осталась ее уделом. Ничего лучшего не подворачивалось. Потолок ее роста оказался на уровне плинтуса.

Несбывшиеся надежды выматывали нервы, заставляя вновь и вновь проводить ревизию того, где и в чем она ошиблась. Впрочем, это обыкновенная история. Большинство женщин ярко влюбляются, потом разочаровываются и, наконец, расстаются. Но Таня не принадлежала к большинству, и поэтому все те страдания, которые женщины связывают с мужчинами, она переживала в связи с работой. Она воспринимала профессиональные неудачи как фиаско любовного романа. Все началось с яркой вспышки, с любви с первого взгляда, когда Таня решила, что не сможет жить без журналистики. Потом пришло охлаждение, равнодушие, и вот-вот наступит расставание. Да, Таня начинала подумывать о смене профессии. Может, бухгалтерию освоить? Или кадровый учет? Скучно, скулы сводит от одних этих слов, но сидеть в душной редакции и писать никому не нужные репортажи тоже не радостно, да еще и почти забесплатно.

Правда, ходить на бухгалтерские курсы или предлагать себя в других редакциях было некогда. Таня работала как вол или как муравей – при условии, что вол или муравей умели бы писать. Но они не умели, и поэтому Тане приходилось обходиться без красивых сравнений. И вообще ей некогда было подбирать точные сравнения для личного употребления, она приберегала все для работы – меткие выражения, точные эпитеты, яркие метафоры и смачные гиперболы.

Получалось неплохо. Даже, можно сказать, очень хорошо получалось. Главный редактор, Петр Симонович, был ею весьма доволен и в глубине души сочувствовал Татьяне, понимая, что она заслуживает большего, чем он может ей дать. А дать он мог небольшую зарплату и редакционные задания про открытие новых станций метро и закрытие старых мусорных свалок.

Таня чувствовала себя обманутой. Над ее рабочим столом в захлавленной редакции висел старый календарь с разномастными куполами собора Василия Блаженного. Таня смотрела на него с укором. Дескать, ну и зачем звал? Она вглядывалась в его цветастость и вместо прежнего радостного предчувствия грядущих перемен ее охватывало беспокойство оттого, что жизнь проходит напрасно и безвозвратно. Яркие купола казались раскрашенными масками, за которыми прячется кто-то недобрый, насмехающийся над ней.

Время будто застыло, один день редакционной жизни был словно под копирку срисован с другого. Ничего не происходит и, похоже, не произойдет. Татьяна вспоминала свой приезд в столицу и свою решимость покорить этот город. Не вышло! Конечно, в глазах своих однокласс-

ников и сокурсников Таня держала марку, для них она была примером удачной карьеры – все-таки в Москве работает, в столичной газете. Но Таня-то знала, что газета – замухрыжистая, ее бесплатно раздают пассажирам в метро, на конечной станции которого Таня снимает крошечную квартирку. И даже не квартирку, а комнату, к которой прилагалась хозяйка-пенсионерка с собачкой той самой неопределенной породы, которую разводят одинокие старушки. «Живу в жопе, работаю в дерьме» – так Татьяна определяла итоги своего похода на столицу.

* * *

В один из таких бесцветных дней, когда она была в двух шагах от капитуляции, от готовности признать свое полное поражение и отказаться от пустых мечтаний, судьба дала ей шанс. Этот шанс был обставлен довольно буднично: главный редактор вызвал Таню к себе. Она уныло поплелась получать новое задание. Никаких волнующих предчувствий у нее не было.

– Танечка, вы садитесь, располагайтесь, разговор у нас будет не быстрый. – Петр Симонович пододвинул ей стул.

Таня постеснялась стряхнуть со стула крошки и села прямо на них, жалея новые джинсы и проклиная себя за деликатность.

– У меня такое чувство, что вы утомились от однообразия своей работы. Или я не прав?

– Правы, – сказала Таня и подумала, что это тот редкий случай, когда он прав на все сто процентов.

– Тогда, может, обсудим мое предложение? Оно весьма деликатного свойства, – замялся редактор.

«Не иначе как про кастрацию котов писать заставит», – свирепо подумала Таня.

– Дело в том, – продолжал шеф, – что мой приятель намерен баллотироваться в Государственную думу. Он довольно состоятельный человек и готов хорошо заплатить за помощь.

«Ага, станет довольно состоятельным человек с тобой приятельствовать. Ты, поди, неделю руку не моешь, если он ее пожимает», – думала Таня, сохраняя на лице доброжелательное выражение.

– И какая помощь ему нужна? – с живым интересом спросила она.

– Я думаю, он сам это расскажет при личной встрече. Так вы согласны?

– Простите, я что-то не поняла, на что я сейчас подписываюсь? В чем именно должна состоять моя помощь?

– Я же ясно сказал, все при личной встрече. Если вы согласны, я дам вам номер его телефона, и вы обо всем договоритесь. Что же тут непонятного? – начал раздражаться Петр Симонович.

«Ясно, – подумала Таня, – он сам ничего не знает. Его используют втемную. Просят дать толковую журналистку, а для чего – не говорят. Вот тебе и приятель», – сообразила Таня. Она быламышленной девушкой.

– Я согласна, – сказала она, а про себя подумала: «Чем я рискую? Кастрация котов от меня никуда не денется. Этот хит всегда останется за мной».

Редактор вытащил из кармана заранее написанный набор цифр, и настроение его явно улучшилось. Видимо, он переживал, что Таня откажется. А ему так хотелось выслужиться перед этим весьма состоятельным человеком.

Таня взяла телефонный номер и решила позвонить вечером, после работы. Ей казалось правильным не проявлять нетерпение, немного выждать. Есть в этом что-то солидное, как будто она загружена важной работой. К тому же будет время все обдумать.

Поразмыслив, Таня пришла к выводу, что она ничем не рискует. А выиграть может. Ну в самом деле, если бы это был какой-нибудь маньяк или любитель плотских утех, то зачем бы он стал обращаться к главному редактору? Лучше уж в модельное агентство. Или в «Аэрофлот»,

там стюардессы любым моделям фору дадут. А журналистки обычно очкастые, побитые молью, к тому же многие из них идейные, а это женщине красоты не добавляет. Нет, это предложение точно не про клубничку. Деньги опять же. Хватит копейки считать, надоело на колготках и трусах экономить. Нет, решено, она ему позвонит.

Под цифрами было написано рукой редактора «Игорь Лукич». «Ну и отчество, не перевелось еще такое, – подумала Таня. – Да, не было у родителей этого Игорька чувства стиля. Как можно было с таким отчеством ребенка Игорем назвать? Если уж выпало родиться Лукичом, то жить надо скромно, каким-нибудь Иваном или Прохором. Они бы еще Альбертом назвали или Эдуардом». Эти размышления придали ей уверенности. При таких родителях и сынок, наверное, звезд с неба не хватает. Может, попросит ему речь предвыборную написать? Или интервью для их газеты сделать? Сам-то наверняка дальше «мама мыла раму» не пошел. С этим чувством интеллектуального превосходства Таня легко набрала номер телефона:

– Игорь Лукич? Добрый день!

– Да, я вас слушаю. – Голос был жесткий и волевой.

– Это я вас слушаю. Мне ваш номер Петр Симонович передал.

– Какой Петр Симонович?

Такого оборота Таня не ожидала.

– Петр Симонович – главный редактор нашей газеты...

– Ах, Петька! – довольно бесцеремонно оборвал ее Игорь Лукич. – Быстро он подсуетился, быстро. Ну, так что, девушка?

– Что? – не поняла Таня. С каждой секундой ее чувство превосходства таяло, как мороженое на солнце.

– Работать будете на меня?

– Смотря что вы вкладываете в это слово.

– А вам не все равно? – Игорь Лукич засмеялся. – Не бойтесь, на вашу честь я не посягну. Работать – это работать. В вашем случае – это складывать буквы в слова, а слова в предложения. Петька говорил, что вы это здорово делаете. Или врал по привычке? – снова засмеялся он.

Тане стало неприятно. И оттого, что он называл ее шефа Петькой, и оттого, что они обсуждали за ее спиной ее достоинства, пусть и профессиональные. А может, и не только профессиональные?

– Я не знаю за Петром Симоновичем привычки врать. Это первое. А второе – я соглашусь на ваше предложение только после того, когда вы четко и ясно поставите задачу, – холодно ответила Таня.

– Молодец! Зубастая! Такая мне и нужна. Короче, я все понял, я тебя беру. Приходи ко мне в офис завтра после восьми...

– Вечера?

– А вот перебивать меня не надо. – Игорь Лукич выдержал паузу. – После восьми вечера. Адрес у Петьки узнай, мне некогда диктовать. Пока, – и он повесил трубку.

Таня была в бешенстве. Что значит – он ее «берет»? Она, кажется, согласия ему не давала. И почему на «ты»? С какой стати? Она что, девочка по вызову? Хотя даже девочкам по вызову адрес диктуют. А тут ему, видишь ли, некогда. На Петьку, тьфу ты, на Петра Симоновича стрелки перевел. Наглый, самоуверенный, зарвавшийся хам, нувориш несчастный. Прочитать бы такого! Как сладко было бы перезвонить и сказать только одно слово: «нет». Еще лучше прийти к нему в офис и сказать это ему в лицо. Тягуче, с оттяжкой, эдакое «не-е-ет», как в кино, когда предлагают любовь за деньги. Или встретить его на экономическом форуме в Давосе, где она будет освещать слет деловых сливок общества, и гордо пройти мимо под ручку с Чубайсом. Или...

Таня горько усмехнулась. Как говорила ее мама: «Мечты, мечты, где ваша сладость? Мечты ушли, осталась гадость». Ничего этого не будет. Ни Давоса, ни Чубайса, вообще ничего. А если она сейчас откажется, то и новых трусов не будет.

Таня специально сгущала краски, рисуя денежную катастрофу. Конечно, трусы она могла себе позволить. Но ей хотелось убедить себя в том, что из-за материальных затруднений у нее нет другого выхода, что она вынуждена согласиться на предложение этого Игоря Лукича. Этим она обманывала себя. Обманывала, чтобы не признаваться себе в том, что почувствовала в этом хаме властность, силу, которой она не способна противостоять. Примерно то же чувствовал бы кролик, который поговорил по телефону с удавом. Глупое, конечно, сравнение. Неудачное образное выражение. Удавы не произносят звуки, они гипнотизируют взглядом. А тут только голос. Что будет, когда к нему добавится еще и взгляд? Таня с тревогой осознала, что ей хочется увидеть этот взгляд. Увидеть удава целиком.

И она вновь постучалась в кабинет Петра Симоновича.

– Что? – спросил он с тревогой. – Созвонились? Все хорошо?

– Да, и он поручил вам сказать мне адрес его офиса.

Таня надеялась, что главный редактор дернется, дескать, я не нанимался адреса диктовать. Ему надо, пусть сам и диктует. Но надежды были напрасными. Петр Симонович продиктовал, не поморщившись. Похоже, быть в услужении у этого Игоря Лукича доставляло ему удовольствие.

– Так, значит, договорились? – спросил он для полного успокоения.

– Вроде того, – уклончиво ответила Таня. Ей было стыдно признаться в том, что о характере работы Игорь Лукич ей ничего внятного не сказал.

– Вы, Танечка, там, как бы это сказать, помягче, не вставляйте на дыбки. Вы уж не подведите, не испортите наши отношения.

В голове у Тани пронеслось: «Наши отношения? Нет, Петр Симонович. Это тот случай, когда у вас с ним отношения есть, а у него с вами нет».

А Петр Симонович продолжал:

– Игорь Лукич спонсирует нашу газету, помните об этом, пожалуйста. Кстати, наш прошлый выезд на базу отдыха всем коллективом, как сейчас модно говорить, для укрепления корпоративного духа именно он оплатил. А коллектив у нас прекрасный. Малочисленный, но с хорошим аппетитом, рвали зубами шашлыки, как тигры, – и он противно хмыкнул. – Вы уж постарайтесь, не подведите всех нас. Из нашей братии вы самая талантливая журналиста, золотое перо у вас, истинно золотое. Договорились?

Таня зачем-то кивнула и двинулась к выходу. Да что ж сегодня за день такой? Все хотят с ней о чем-то договориться. Настроение стало еще хуже. Так, значит, Игорь Лукич их спонсор? И шашлыки-машлыки из его кошелька оплачены были? Таня их ела с огромным аппетитом, она вообще мясо любит. Получается, что она как будто уже взяла аванс за работу и даже его потратила. Знала бы, не ела. Только кинзу пожевала бы. И зачем ей Петр Симонович про эти шашлыки рассказал? Намекал, что она, как честный человек, должна отработать этот кусок мяса? А она возьмет и откажется. Вот прямо сейчас вернется к нему и откажется. И пусть сам своему Лукичу перезванивает. Ей, может быть, некогда. В конце концов, все ели, не она одна. Людка из бухгалтерии вообще с собой домой полный пакет шашлыков набрала. Вот пусть Людка и пишет.

Таня несла эту ерунду, чтобы убедить саму себя в том, что она еще ничего не решила, что способна послать этого Лукича вместе с его шашлыками куда подальше. Она тешила себя иллюзией выбора, прекрасно осознавая, что его нет. Что путь у нее – только вперед. На встречу с удавом.

* * *

Офис Игоря Лукича оказался в тихом центре, в самом дорогом районе, называемом в народе «золотой милей». Это был милый особнячок, на стене которого, поискав, наверняка можно было бы найти табличку «Охраняется государством». И, глядя на ряд дорогих автомобилей, припаркованных во дворе этого исторического сооружения, было понятно, что особняк охраняется государством от плебса, то есть народа без признаков аристократизма. Кованая ограда с вензелями придавала особняку солидность и вызывала ассоциацию с Викторианской эпохой. Вообще Таня не очень дружила с историей и не могла бы точно сказать, когда случилась эта самая Викторианская эпоха и какой архитектурный стиль ей соответствовал, но само слово было таким торжественным, что Таня представляла себе эту эпоху в парче и с кованой оградой по периметру. Для полного соответствия образу не хватало только слуг в ливреях. Точнее, они были, но в серых деловых костюмах. И назывались службой охраны.

Таня невольно провела ревизию своего внешнего вида. Джинсы вполне пристойной марки и сиреневый пуловер, который она недавно тщательно очистила от катышков с помощью специальной машинки. Этот сиреневый цвет очень шел к Таниным глазам, да и сам пуловер, льнувший к ее телу, весьма ненавязчиво, но однозначно подчеркивал стройность ее фигуры. Таня чувствовала себя молодой и гибкой, как пантера, красивой и привлекательной. Точнее, еще совсем недавно чувствовала. Пока шла к остановке, ехала в метро, поднималась на эскалаторе, шла по «золотой миле». Но стоило ей войти в ворота кованой ограды, как это чувство предательски покинуло ее, улетучилось, исчезло без следа. И когда слуги без ливрей перегородили ей путь и по-деловому спросили: «Вы к кому?», она не увидела в их глазах ни тени заинтересованности в ее фигуре или симпатии к ее милому лицу. В их глазах читалось «простушка», и Таня была с ними согласна. В декорациях Викторианской эпохи она смотрелась неуместно.

Захотелось сбежать, но это было бы еще комичнее. Таня дала себе слово выбросить машинку по зачистке катышков вместе с сиреневым пуловером и купить что-то дорогое и элегантное, такое, чтобы эти холодные мужчины из службы охраны сверкнули глазами и проводили ее взглядом как недоступную им роскошь. Таня мечтала и одновременно знала, что это вряд ли сбудется. Она шла по жизни по другому треку, по другой лыжне, и траектория ее движения не пересекалась с дорогими магазинами вовсе не по причине нехватки денег. Если бы денег стало больше, вряд ли бы что-то изменилось. Просто каждому свое. В ее среде сиреневый пуловер был вполне уместным нарядом. У журналистов своя униформа – джинсы и что-нибудь сверху, от растянутых футболок до толстых свитеров, в зависимости от сезона. И сидеть она любит, поджав одну ногу, что не стыкуется с деловой юбкой. В другой позе у нее прекращается течение мысли. Но за небрежное отношение к одежде надо платить. Например, выдерживая на себе надменный взгляд охраны.

– Вы к кому?

– К Игорю Лукичу.

Таня перехватила недоуменный взгляд вышколенных охранников.

– Он вас ждет?

– Да, – выдавила из себя Таня. Голос при этом дал предательскую слабость. Она уже ни в чем не была уверена.

– Ваш паспорт?

Таня увидела, как один охранник взял ее документ, а второй отошел в сторону и стал звонить. Паспорт листался долго. Тане показалось, что бесконечно долго. И унижительно долго. Было очевидно, что охранник тянет время, пока его напарник выясняет, действительно ли ждут

Татьяну. А если там не подтвердят? Ее выгонят, как корову, зашедшую в чужой огород? Возьмут хворостину и похлопают по бокам, приговаривая: «Пошла, пошла!»

И ведь пойдет. Что ей останется? Между лопатками противно потекла струйка пота. Ничего, резинка от трусов надежно стоит на ее пути. Это уже было три года назад, когда она приехала в Москву. И что изменилось? Стоило ли приезжать? Зачем все это? Напрасные хлопоты ей выпали, не более.

– Проходите, пожалуйста, – голос охранника стал любезным и даже подобострастным, – по лестнице, на второй этаж.

«Ага, значит, меня и вправду там ждут», – смекнула Таня.

– А дальше куда?

– Я же сказал, на второй этаж.

– Спасибо, я услышала про второй этаж. Кабинет не подскажете?

– Девушка, у Игоря Лукича кабинет занимает весь второй этаж. Там одна дверь, вы не ошибетесь. – В голосе охранника чувствовалось удивление неосведомленностью посетительницы.

Видимо, сюда приходили только осведомленные.

Но главное, что ее ждут. Это придало ей уверенности, и по мраморной лестнице с витыми перилами она поднималась уже без прежней душевной дрожи. Вот и второй этаж, длинный коридор, в конце которого обозначена одна-единственная дверь. Похоже, ей сюда. Как не хочется! Как в пасть к удаву. И как тянет туда!

Глава 2. Заветный список

У Игоря Лукича выдался плохой день. Точнее, обычный. Все последние дни тяжело было назвать хорошими. Он вынужден был тащить на себе груз борьбы за место в партийном списке, дающем право стать депутатом Государственной думы. Мало состоять в партии, надо получить «проходное» место в заветном списке, определяющем очередность прохода в законодательный орган страны. И Игорь Лукич старался изо всех сил, преодолевая отвращение к внутрипартийной борьбе.

Выборы в стране были устроены не хитро, но конспиративно. Никакого мошенничества! Механика выборов проста и элегантна. Члены партии, как лошади на скачках, имели свои порядковые номера в партийных списках, в строгом соответствии с которыми дружными рядами шли в Думу. Но перед каким-то номером дверь закрывалась, мест на него не хватало, и ему не оставалось ничего, кроме как заливать горе коньяком стоимостью с бюджет малого городка.

Ради экономии на коньяке или по какой-то другой причине, но члены партии прикладывали титанические усилия, чтобы получить «проходной» номер, дающий шанс на победу. Они толкались локтями, трясли кошельками, всячески доказывали верность партии и ее лидеру. Ситуация напоминала очередь за синими курицами на излете советской власти. Все стояли с номерами, написанными на ладошках, и вдруг какому-то номеру объявляли: «Курей больше нет, кончились». Здесь же «заканчивались» не куриные мощи, а мягкие, обитые бархатом, кресла в Государственной думе. Это был весомый повод расстроиться и напиться с горя.

Конечно, прохождение в Государственную думу не обходилось без помощи народа, который по этому случаю называли электоратом. Народ гордился этим высоким званием, догадываясь о его заморском происхождении, и старался оправдать оказанную ему честь. Электорат подходил к урнам, бросал туда избирательные бюллетени и покупал в местном буфете пирожки по цене, соответствующей официальным оценкам инфляции. Потому что в обычных магазинах инфляция почему-то была выше.

Правда, народ не голосовал за людей из партийных списков. Это было бы хлопотно, ведь пришлось бы читать трудно выговариваемые фамилии и вникать в хитросплетения биографий. Чтобы не утомлять народ, то есть электорат, ему предлагали голосовать за лучших представителей той или иной партии. Обычно ими оказывались спортсмены и артисты, герои и губернаторы. И купивший пирожок представитель электората не вполне понимал, что, отдавая голос этим белозубым красавцам, он открывал дверь в Думу всему «партийному списку». Поэтому артиста или спортсмена политтехнологи называли «паровозом», который тащил на себе в Думу собратьев по партии. И чем больше голосов собирал «паровоз», тем больше номеров партийного списка оказывались проходными.

Когда обыватель видел по телевизору светлый лик представителя власти, он недоумевал, дескать, ну как такого могли выбрать. «И какой мудака за него голосовал?» – спрашивал он жену с ноткой подозрения, уж не она ли. Прекраснодушный наивный обыватель даже не догадывался, что именно он привел этого странного человека в депутатское кресло. А если ему сказать об этом, то можно обидеть до глубины души. Нет, никогда и ни за что! Он голосовал за известного артиста, или за спортсмена, или за героя всевозможных войн. Где же они? Почему вместо них нарисовались эти невыразительные и очень довольные собой лица? В строгом соответствии с законом, по очередности партийного списка.

Вот в этом всем и болтался последнее время Игорь Лукич. Он ненавидел эти игры, презирал собратьев по партии, подозревал в прохиндействе партийное руководство, а уж политтехнологов вообще за людей не считал, они вызывали у него брезгливость. Но ему нужен был мандат депутата. Это открывало перед его бизнесом определенные перспективы, выводило на

новые высоты и создавало соблазнительные возможности. А бизнес был для него всем, он жил ради возможности развивать свое дело.

Однажды Игорь Лукич ударил психолога, который пытался ему внушить, что в жизни есть что-то более важное, чем бизнес. Нет, Игорь Лукич точно знал, что дело важнее всего. Потому что его земной путь закончится, а бизнес будет жить. Это его загробная жизнь, намек на вечность, его египетская пирамида. Психолог посягнул на веру Игоря Лукича и получил по морде, как получает святотатствующий в храме.

Бизнес Игоря Лукича был связан с производством сыра. Электорат любил сыр и ради него готов был бы отдать за Игоря Лукича свои голоса. Бросил бюллетень – получил тугой мячик «Свали» или круг «Пошехонского», который можно катить домой, как покрывало от колеса, или кирпичик «Гауды», приятной тяжестью оттягивающий руки. Игорю Лукичу было не жалко ради дела раздать хоть тонну сыра, не вопрос. Но прямые бартеры сыра на голоса избирателей были запрещены законом.

Приходилось идти к цели обходными путями, через партийные коридоры, где Игорю Лукичу не хватало воздуха. Там пахло бездельем и интригами, самодовольством и посредственностью. И когда на встречах с партийным руководством секретарша спрашивала его: «Вам чай или кофе?», его так и тянуло сказать: «Рвотных пакетов, и побольше», но он говорил с милой улыбкой: «Кофе, со сливками, если можно». Производство сыра не простило бы ему своенравности. Бизнес был больше чем жизнь. Рвотные пакеты требовались для жизни, а кофе со сливками для бизнеса. Поэтому он выбирал кофе.

Настроение у Игоря Лукича было отвратительное. Очередной день, украденный у бизнеса, был потрачен на партийную возню. Самого лидера партии, небезызвестного Пал Палыча, не было на этом сборище, к чему все отнеслись с пониманием и даже с каким-то благоговением. Ведь он не просто отсутствовал, а по уважительной причине. Эту причину весьма кратко и вместе с тем красочно объяснил собравшимся его заместитель, Валериан Генрихович.

– Пал Палыч сегодня не сможет принять участие в нашем собрании, его вызвали... – и он закатил глаза к небу, – на самый верх.

– Помер, что ли? – шепотом уточнил сосед Игоря Лукича.

Словно услышав вопрос, Валериан Генрихович пояснил:

– То, что президент сверяет, как говорится, политические часы с нашим партийным лидером, убедительно свидетельствует о том, что наша партия занимает особое место на политическом небосклоне страны. Мы верно понимаем суть проблем, стоящих перед нашим обществом, и не уступим это понимание никаким политическим конкурентам.

Все зааплодировали. Валериан Генрихович, воодушевленный реакцией зала, а может, просто по привычке, еще минут двадцать говорил про вызовы времени и партийный ответ на эти вызовы. Начал он весьма вяло, но потом разошелся и достиг высот ораторского искусства, гневно обличая тех, кто стоит на пути к очередному спасению страны.

Валериана Генриховича за глаза называли гуттаперчевым мальчиком. Нет, он не выступал в детстве в цирке, не вставал на мостик и не делал шпагат, но его биография была столь причудлива, что вполне оправдывала это прозвище. На одном посту он насаждал то, что гневно обличал и с чем решительно боролся, переместившись в другое кресло. Важно отметить, что эти кресла стояли не просто в ряд, а на разных ступенях восходящей вверх лестницы. То есть карьера шла в гору, и довольно крутую, по которой мог карабкаться только «гуттаперчевый мальчик». Впрочем, сам Валериан Генрихович предпочитал называть себя серым кардиналом, было в этом что-то солидное и таинственное, в духе романов Дюма.

Игорь Лукич, запрещая себе смотреть на часы, чтобы не раздражаться, смиренно переждал гневную отповедь Валериана Генриховича всем врагам России. Заключительная, кульминационная часть речи была вполне оптимистичной. В ней Валериан Генрихович подробно изложил доводы в пользу неизбежного светлого будущего всего прогрессивного человечества

под руководством России. Оптимизм был к месту, потому что далее следовал фуршет, и хороший политический прогноз был необходим для правильного пищеварения.

Объявили перерыв. Игорь Лукич устремился к Валериану Генриховичу, а тот к семге. Похвалив рыбку, которая, судя по всему, была контрабандной, Игорь Лукич приступил к главному. Интимно придерживая «серого кардинала» за локоток, он аккуратно поинтересовался, в какую сумму партия оценивает возрождение России, и с готовностью предложил внести эту сумму на счет партии. То, что деньги разворуют, Игорь Лукич не сомневался, он вообще не верил тем, кто произносил слова про величие. Ему привычнее были слова про оборудование, про жирность молока, про подвижной состав, про тару и холодильные камеры.

Валериан Генрихович снисходительно усмехнулся и ответственно заявил:

– К сожалению, только деньгами такие вопросы не решаются. Но, конечно, при наличии финансового ресурса что-то можно сделать на благо родины, по крайней мере, попытаться.

И написал на салфетке сумму. Нулей было много.

Игорь Лукич положил салфетку в карман. Какое-то время они жевали бутерброды молча. Наконец сыродел снизил голос так, чтобы его могли слышать только Валериан Генрихович и семга, и напрямки спросил:

– Как вы, человек опытный, считаете: достаточна ли будет эта сумма для положительного решения вопроса?

– Для возрождения былого величия? – спросил, жуя, Валериан Генрихович. – Да, думаю, вполне хватит.

– Нет, у меня интерес помельче. Точнее, приземленнее.

– Тогда не понимаю. Вы о чем? – и собеседник подхватил новый ломоть семги.

– Хотел бы быть полезным партии в составе депутатской фракции. Каковы мои шансы на «проходной» номер в партийном списке? Или этой суммы слишком мало? Вы скажите, я добавлю, но мне хотелось бы знать наверняка, – сказал Игорь Лукич так тихо, что даже семга начала прислушиваться.

– Ну... Думаю, что борьба только начинается, наши политические оппоненты сильны как никогда. – Валериан Генрихович говорил громко, как на трибуне. – Народ устал, он изверился, его идеалы попораны и цинично преданы. История не простит нам, если мы упустим наш последний шанс поднять страну с колен, дать людям надежду и хлеб. Не только история, мы сами себе не простим.

Эта речь имела успех. Народ, окружающий их столик, начал быстро рассеиваться. Подхватив тарелки и фужеры, партийцы отбежали на безопасное расстояние, чтобы не мешать пищеварительному процессу. Дождавшись, когда рядом с ними не будет никого, «гуттаперчевый мальчик» тихо сказал:

– В этой ситуации добрая воля спонсоров особенно ценна. Мы ценим ваше желание помочь партии материально. Я думаю, что удвоение этой суммы решит ваш вопрос положительно. Разумеется, я ничего не гарантирую, все решит народ в ходе свободного волеизъявления... Но мы со своей стороны сделаем все от нас зависящее, – и он подхватил очередной кусок семги.

Игорь Лукич понял, что возрождение величия страны стоит, по партийным расценкам, в два раза меньше, чем его депутатский мандат. На эту сумму можно было построить несколько квадратных метров космодрома.

Деньги он перевел в тот же день, считая, что инвестирует их в свой бизнес. И эти инвестиции, по его прикидкам, должны были дать хорошую прибыль.

Глава 3. Шарпей с глазами волкодава

Таня постучалась в дверь – сначала тихо и деликатно. Ответа не было. Потом громко и беспардонно – с тем же успехом. Она уже хотела обиженно уйти, как откуда-то из глубины пространства за дверью послышался стук каблучков. Каблуки цокали довольно долго, набирая громкость. Видимо, расстояние до двери было приличным. Таня терпеливо ждала. Наконец дверь открылась, и на пороге показалась красивая женщина средних лет. На лице ее явно читалось раздражение. «Секретарша», – догадалась Таня.

Та смотрела на нее молча, видимо, ожидая каких-то пояснений.

– Меня Игорь Лукич ждет. Он приглашал меня в офис после восьми, – почему-то с просительной интонацией сказала Таня.

– И что? – Голос у секретарши оказался низкий, грудной, как у французской певицы Мирей Матье.

И не только голос. Весь ее облик соответствовал Таниным представлениям о том, как выглядят настоящие француженки. Ну или должны выглядеть, согласно общему мнению тех, кто никогда не бывал во Франции.

Русская француженка оглядела Таню и вынесла вердикт:

– У вас нет явных признаков анорексии.

– Спасибо, я знаю, – удивилась Таня.

– Не хватает сил дверь открыть? У меня много работы, я не швейцар перед посетителями двери распахивать, – строго отчитала ее секретарша.

Таня почувствовала, что густо краснеет. Действительно, что это с ней? Как можно было так опозориться? Чего она ждала? Крика «Входите, открыто»? Это же не их затрапезная редакция, где главный редактор на стук всегда так откликается. Или кричит, если в хорошем настроении: «Кто стучится в дверь моя? Видишь, дома нет никто». Три года Таня работает в этой газете, и три года главный редактор считает это смешным.

А тут другой мир. С русской француженкой, с кабинетом во весь этаж, с кованой оградой Викторианской эпохи. И посреди всего этого стоит Таня, как деревенщина неотесанная, которая не умеет пользоваться дверью. Лично Таня ничего не имела против деревенских жителей, но в ее детстве, когда хотели заклеить человека за его отсталость, почему-то называли его деревенщиной. Вот сейчас пришло на ум.

– Может быть, войдете? – насмешливо сказала секретарша. – Ничего, что я тапки не предлагаю? У нас тут, знаете ли, все по-простому.

«Съязвила, – догадалась Таня, – так мне и надо! Думает, наверное, что раз посетительница стучится, как в квартиру, значит, и на тапки рассчитывает».

Она чувствовала жар на лице и понимала, что из красной становится пунцовой. Как же она будет разговаривать с Игорем Лукичом, если его охрана поставила ей шах, а секретарша мат? Она не смогла достойно представить себя даже в глазах обслуживающего персонала. Может не стоит ей дальше идти? «Людей смешить только» – так говорили в ее детстве про ситуацию потенциального позора.

Ну зачем она вообще сюда пришла? Лучше, пока не поздно, повернуться и уйти. Нырнуть в метро и снова почувствовать себя стройной и упругой, поймать на эскалаторе заинтересованный взгляд встречного мужчины, легко догнать уже отъезжающую маршрутку, войти в нее с чувством превосходства над прочими пассажирами. Потому что она молодая журналистка, и у нее все впереди, и Москва когда-нибудь покорится ей.

Ни черта не покорится! Таня вдруг поняла это с такой безжалостной ясностью, что не осталось ни сомнений, ни иллюзий. Другой мир для нее закрыт, она в него не проникнет. Охрана и секретарша отфильтруют ее как самозванку. Она не монтируется с этим миром особ-

няков, кованых оград, французского шарма и делового этикета. Она так и будет писать про новые станции место, сидя в обшарпанной редакции, поджав под себя ногу и хрустя печенюшками. И стряхивать крошки с сиреневого пуловера, очищенного от катышков.

– Я пойду, извините за беспокойство, – бледным голосом сказала Таня.

Видимо, женщина поняла, что переборщила, и сказала уже более мягко:

– Игорь Лукич сейчас говорит по телефону. Вам придется подождать немного.

Секретарша неопределенным жестом дала понять, что следует идти за ней. Таня переступила порог и оказалась в просторном помещении, где все было как-то странно организовано, но оглядываться по сторонам было неловко. Таня семенила за секретаршей, стараясь идти строго по ее следам, как будто она шла по болоту.

– Присаживайтесь, – секретарша жестом указала на кожаный диван. – Чай? Кофе?

– Спасибо.

– Спасибо, чай или спасибо, кофе? – уже с улыбкой уточнила секретарша.

– Чай, – пискнула Таня, сомневаясь, что сможет протолкнуть глоток в зажатое горло.

– Черный или зеленый?

– Любой. Мне все равно.

– И мне все равно.

– Тогда черный, – сказала Таня и тут же пожалела.

Надо было зеленый выбрать. Черный чай простецкий, его в школьных столовках раздают. Продвинутые личности предпочитают зеленый чай, он полезнее для сосудов и зубы не окрашивает. Опять она не смогла себя подать, вот ведь какое невезенье.

Русская француженка, как назвала ее для себя Таня, неспешно прошла в какой-то аппендикс, где, видимо, располагалось что-то вроде кухни. Таня чуть выдохнула и, пользуясь тем, что осталась в одиночестве, огляделась.

И было на что смотреть! Пространство было организовано весьма необычно. Вдалеке маячила дверь, за которой, видимо, скрывался говорящий по телефону Игорь Лукич. Неподалеку от двери стоял стол, окруженный всевозможной офисной техникой. Эти факсы-шмаксы готовы были по первому зову печатать, сканировать, копировать, резать, брошюровать, принимать и отправлять сообщения, словом, обеспечивать инфраструктуру делового процесса. Это было пластмассовое воинство секретарши.

Впрочем, называть русскую Мирей Матье секретаршей было как-то неловко, это слово не стыковалось с ней. Ведь слова несут не только смысл, но и образ. Таня чувствовала образность слов, она была не самой плохой журналисткой. Эта женщина была похожа на секретаршу примерно так же, как возвращающиеся с уик-энда аристократы похожи на толпу дачников в набитой электричке.

При слове «секретарша» Тане представлялась крашеная блондинка или брюнетка, не важно, но обязательно как-то очевидно крашенная, которая носит одежду, оптимистично рассчитанную на похудение. Швы на юбке и пуговицы на груди тихо трещат, с явным напряжением сдерживая рвущуюся на свободу плоть. И поверх этого, как последний штрих к образу, звучит покровительственный голос; «Я вас умоляю!», «Мое заявление подписано?», «Я вас умоляю, сказано же, три рабочих дня», «Шеф сможет меня принять?», «Я вас умоляю! У него сегодня все занято». Представить русскую француженку в этом образе было немыслимо. Нет, только не секретарша. Уж лучше, с учетом обилия техники, называть ее «IT-помощницей» или «хозяйкой офиса». Тоже не совсем, но все же лучше, чем секретарша.

Пока IT-помощница колдовала над чаем, Таня продолжала осмотр пространства. Тут было чему подивиться и даже изумиться. Вдоль стен шли стеллажи, на которых громоздились какие-то железки, напоминающие воронки, желоба, вращающиеся кастрюли, баки, бочонки, тазы и прочее непотребство. Многие метры, отданные под свалку металлолома разного рода и племени... Вот для чего понадобился целый этаж! Особо массивные и тяжелые предметы

лежали на полу. Теплая медь контрастировала с холодным блеском никеля, приземистые тазы подпирали тонкие сосуды, округлые бока осторожно отодвигались от острых граней каких-то металлических кубов. «Может, это инсталляция такая?» – подумала Таня.

А что? Сейчас это модно. Поставят рядом с треснувшим унитазом хрустальный фужер, и готов экспонат на биеннале современного искусства. Таня регулярно и бойко делала репортажи с таких выставок по заданию редакции. Сначала отказывалась: дескать, не понимает ничего в современном искусстве, но Петр Симонович сказал, что писать про это «прости господи искусство» все равно придется, а лучше Тани никто с этой темой не справится. Надо только включить воображение. Таня включила на полную мощность. Дескать, хрусталь и унитаз как контраст добра и зла, как дихотомия небес и пучины, и что-то еще в подобном духе. Правда, она не очень понимала, что из этой парочки отвечало за добро. Наверное, хрусталь, он возвышенный. Хотя... она бы предпочла остаться без хрусталя, но с унитазом. Таня даже поделилась сомнениями с Петром Симоновичем, но он ее успокоил. Дескать, пиши что хочешь, пусть спасибо скажут, что газета этому бреду рекламу делает.

Правда, тогда случилось ЧП. Пока верстался номер, кто-то из посетителей выставки разбил хрустальный фужер. Случайно это вышло, или был совершен акт вандализма по отношению к современному искусству, об этом история умалчивает. Спасая положение, вместо хрусталя к подножию унитаза положили моток колючей проволоки. Организаторы выставки заявили, что художественная ценность экспоната не пострадала. И тогда Таня наскоро переписала текст, ввернув про контраст мещанского уюта, символом чего выступал, разумеется, унитаз, с колючестью нонконформизма. Получилось даже лучше, с претензией на социальную концептуальность, с намеком на борьбу мещанства и бунтарства. Жаль, некуда было ян и инь вставить, это сейчас хорошо идет, люди по фэншуй жить стараются. Словом, такие инсталляции Таня легко превращала в строки репортажей. Петр Симонович всегда хвалил.

Может, ее за этим и позвали? Точно! Как она сразу не сообразила? Купил Игорь Лукич от дурной головы дорогущую инсталляцию, чертову кучу денег потратил, весь этаж этим металлоломом занял, а мир даже не знает, какой он продвинутый любитель современного искусства. Не просто любитель, а страстный обожатель, судя по грандиозности этой инсталляции. И она, Таня, должна об этом всему миру поведать. Для того и позвал в офис, чтобы она своими глазами это «прости господи искусство» увидела. Ладно, будет тебе, дорогой любитель прекрасного, шеренга слов, обрыдаешься от восторга! Таня даже начала крутить в голове, словно прицеливаясь, «железная сцепка геометрий», «металлическая симфония», «нежность железа и стали»...

– Вам чай с лимоном? – вопрос вырвал ее из лап творчества.

– Что, простите?

– Лимон в чай положить?

– Спасибо, не стоит. Вообще-то я зеленый чай обычно пью, просто давно черный не пила, вот и решила попробовать, – запоздало оправдалась Таня.

– А я предпочитаю черный чай с лимоном и сахаром.

«И я», – хотелось сказать Тане, но было поздно.

В это время дверь кабинета в конце тоннеля, обрамленного металлическими изделиями, приоткрылась, и на пороге возник высокий мужчина. Издалека Тане показалось, что он красив. В том, как он энергично распахнул дверь и как нетерпеливо оглядел пространство, чувствовались сила и напор. Для Тани это было синонимом мужской красоты. Ценить другие мужские качества она еще не умела, ей было всего двадцать пять лет.

Мужчина властно сказал:

– Татьяна? Заходите!

Таня суетливо начала пристраивать чай на журнальный столик, торопясь и боясь задержать властного мужчину. И вдруг услышала то, что перевернуло ее картину мира:

– Подожди. Дай девушке чай допить, – властно сказала помощница.

– Некогда мне, Лера, пусть с собой сюда возьмет. Мне, кстати, тоже сделай. Лимон не забудь только.

И дверь закрылась.

Таня выдохнула. Все это время она не дышала. Это был не офис, а сумасшедший дом с грудой металлолома и командующей секретаршей. Кажется, она ему еще и «тыкает». Интересно, а чашку за собой мыть она не заставляет? И лимон съесть? Чтобы витамины не пропали. Но, как говорится, у всех свои причуды. Масштаб причуд пропорционален количеству денег.

Таня двумя глотками втянула в себя весь чай и поблагодарила небо за то, что не подавилась. От чая освободилась, уже хорошо. Пронести чашку и не расплескать она была не способна. Руки были какие-то вялые и предательски дрожали. Теперь ноги. Они вроде в порядке. Ноги оказались надежнее рук, устойчивее к стрессу.

Изображая бодрый шаг, Татьяна Сидорова двинулась вперед. Цокот каблучков должен был распугать кошек, которые скреблись в ее душе. Примерно так Наполеон входил в Москву – бодрым шагом и с тяжелыми предчувствиями.

* * *

Кабинет Игоря Лукича был обычным. Точнее, он был серым и скучным на фоне Таниных ожиданий. Она была разочарована. Что именно ожидала увидеть за дверью Таня, она и сама не знала. Но вот так просто – стол, кресла, книжный шкаф, – это отдавало нотками банальности и даже смахивало на обман. По ее мнению, любители современного искусства не имели права на такие кабинеты.

А вот хозяин кабинета разочаровать не мог. Он был как ступок энергии, как шаровая молния в деловом костюме. Всего в нем было с избытком – он говорил чуть громче обычного, широко улыбался и чрезмерно жестикулировал, указывая на кресло. И даже черты лица у него были как будто немного утрированные, что придавало ему сходство с шаржем на самого себя. Это была внешность, с которой нельзя идти на преступление. Даже страдающий провалами памяти запомнил бы такое лицо. Подобно тому, как после взгляда на молнию яркая вспышка всюду маячит перед глазами, посмотрев минуту на Игоря Лукича, можно было отвернуться и разглядывать в подробностях отпечатанное в памяти изображение.

Издалека мужчина показался Тане красивее, чем при ближайшем рассмотрении. И это было понятно. Расстояние скрашивало резкость внешности. Так актер со сцены часто кажется красивее, чем в жизни, а симпатичные в обычной жизни лица становятся никакими на сцене.

Игорь Лукич бросил быстрый оценивающий взгляд на Таню. Он все делал быстро и как-то рьяно, словно рентгеновский аппарат. Видимо, увиденное ему понравилось. Игорь Лукич улыбнулся так широко, что вдоль щек собрались складки, как у шарпея. Его глаза телеграфировали: я доволен, все хорошо, идем дальше, и побыстрее.

– Садись. Ты есть хочешь? Лера вечно в секретаршу играет, наиграться не может. Обо- жает гостям чай-кофе готовить. Нет, чтобы еды нормальной предложить. Так как? Может, поедим? Я, если честно, не помню, ел сегодня или нет.

«В ресторан приглашает прям с ходу», – подумала Таня. Настроение от этого почему-то резко улучшилось, руки перестали дрожать, и по телу растеклась приятная уверенность в своих силах. Нет, сиреневый пуловер рано выкидывать, с ее фигурой, да еще и без катышков, она многим фору даст. Надо сразу поставить его на место, чтобы не думал, будто она из разряда легкой добычи. Пару-тройку дней она его точно помурьжит. А пока будет играть роль деловой женщины, молодой карьеристки. Тане казалось, что это будет смотреться стильно, даже сексапильно и принесет ей дополнительные очки.

– Нет, Игорь Лукич, давайте о деле. И еще. Если вас не затруднит, давайте придерживаться в обращении местоимения «вы», – сказала Таня если не ледяным, то подмороженным голосом.

– Понял. Не дурак. Был бы дурак – не понял, – отчего-то засмеялся собеседник.

И надо сказать сделал это так непосредственно и живо, что ледышки в душе Тани начали таять, буквально течь ручьем. Она напряглась и включила внутренний холодильник на полную мощность.

– Я что-то смешное сказала?

– Как можно? Такая образованная девушка – и вдруг смешное! Какое гнусное подозрение! Так какое у нас местоимение будет рабочим? Только уж сделайте скидочку на необразованность, разъясните, чем у нас местоимение от наречия отличается, – смеясь, спросил хозяин кабинета.

Таня чувствовала, что ее игра в деловую женщину как-то не задалась, но выбирать другое амплуа было поздно. И она решила идти до конца:

– Я не собираюсь латать пробелы вашего образования. Но если очень кратко, то говорить незнакомому человеку «ты» – это вульгарно. «Ты» – это местоимение, «вульгарно» – это наречие.

– Премного благодарен за ликбез. – На миг в его глазах мелькнуло нечто, похожее на отблеск отточенной стали.

Повисла пауза сродни мхатовской. И, похоже, он не собирался ее нарушать.

– Если мы сейчас не начнем работать, то я, пожалуй, пойду, – с вызовом сказала Таня.

– Идите.

Он больше не смеялся. Просто сидел и смотрел на нее взглядом удава. Таня не шелохнулась. Его «идите» было сродни «пошла вон». От унижения Таня растерялась. Тишина показала ей такой долгой, что она с облегчением вновь услышала его голос.

– Но прежде чем вы уйдете, позвольте сказать вам нечто, что, возможно, пригодится в жизни. Если вам хочется играть во взрослую тетю, то выбирайте для этого другие песочницы. А я в своем кабинете буду вести себя так, как считаю нужным.

– Вы меня неправильно поняли...

– Все я правильно понял, девушка. И не перебивайте меня, а то я подумаю, что вы воспитаны еще хуже, чем я.

Таня замерла в кресле, вдруг почувствовав его объем, в котором она теряется, как песчинка. Она такая же маленькая и такая же бесцветная, беззвучная, безвкусная и безвольная. «Как стыдно быть песчинкой», – подумала Таня.

– Так вот. Не надо учить меня хорошим манерам, я владею ножом и вилкой не хуже вас, а возможно, и лучше. Мое дружеское расположение к вам вы восприняли как панибратство. Это говорит о том, что вы неумны и не чувствуете собеседника. А еще вы жеманны и лишены внутренней уверенности в себе, что пытаетесь скрыть за язвительностью и колкостью. Из этого я делаю простой вывод: для той работы, которую я надеялся вам поручить, вы не подходите. Не смею более задерживать.

И Игорь Лукич отвернулся от Тани.

* * *

Это было гуманно, потому что плакать на глазах у незнакомой мужчины было бы невыносимо стыдно. А не плакать Таня не могла.

Сначала у нее предательски задрожали губы, а потом потекло из глаз, да так обильно, что все вокруг поплыло, как будто Таня смотрела на мир из глубин аквариума. Вот теперь все сошлось, все фрагменты заняли положенное им место: она песчинка, которая смотрит на мир

через толщу воды. Только вода почему-то соленая, наверное, это аквариум с морской водой. И сейчас приплывет акула и заступится за песчинку, разорвет этого ужасного Игоря Лукича. Хотя зачем акуле это надо? Песчинок вон сколько, и все они одинаковые, потому что никакие.

Скорее бежать отсюда, пока не начала всхлипывать, тогда позору не оберешься. В метро, в маршрутку, на свою конечную станцию, в убогую квартиру, в захламленную редакцию, к статьям про перенос свалок и кастрацию котов, туда, где полно таких же песчинок, как она, туда, где вместе они сбиваются в целые дюны и придумывают свою жизнь, со своими взлетами и падениями, страданиями и радостями. «Надо жить среди своих», – главная заповедь песчинки, ее рецепт счастья. «Надо жить среди своих», – тикало в ушах Тани как приговор, по которому она оставалась песчинкой на веки вечные, без права на перевоплощение. «Надо жить среди своих», – шептала Таня, сгорая от стыда и желая только одного, – поскорее оказаться как можно дальше от этого кабинета, где обитает молния в деловом костюме. «Надо жить среди своих», – под эти слова, наверное, Наполеон рвался назад, в Париж, спасаясь от морозов и непонятных русских.

Таня ринулась к дверям. Задержав дыхание, чтобы сохранить свои слезы в тайне, она рывком пересекла кабинет и плотно закрыла за собой дверь. Все, самое трудно позади. Она молодец, сдержалась, не расплакалась на глазах этого ужасного человека. Хоть с этим можно себя поздравить. Все остальное стыдно и больно, она все провалила, но хоть с этим она справилась. Он не увидел ее слез. Теперь можно выдохнуть. А заодно и расплакаться, пожалеть себя. Таня громко шмыгнула носом, ладошками растерла глаза, нервно всхлипнула и пошла к выходу сквозь длинный тоннель из железных шутовин.

Но тут из аппендикса, заменяющего кухню, со скоростью акулы вынырнула Лера. Таня совсем о ней забыла, преждевременно выпустив слезы на свободу. Лера перегородила путь, в секунду оценила ситуацию и тут же начала действовать. Она усадила Таню на гостевом диване, вручила ей стопку салфеток для промокания слез, сбегала за новым чаем с лимоном и сахаром и даже накинула на Танины плечи невесть откуда взявшийся плед. При этом она непрерывно бубнила что-то среднее между боевым кличем и бабьими причитаниями, ни к кому особо не обращаясь:

– Вот еще! Сейчас! Разбежались! Каждый раз так плакать, так слез не хватит! И что за человек такой! И нечего его слезами баловать... Чести много будет. Нет, ну ты посмотри на него, как девочку расстроил. Глазки вот такие... Тише-тише, все устроится. Если бы я так каждый раз плакала, так давно бы в старуху превратилась. Ну что ты будешь делать с ним, вот такой он человек... Да он сам себе не рад иногда. Сам себя раз в год по праздникам любит. А может, ты коньячок выпьешь? И что там у вас произошло? А не надо ему в рот смотреть, все смотрят, а потом режут девки-дуры. Ну-ну, все хорошо, все уже хорошо...

Таня не улавливала смысл этих слов, но считывала интонацию. Лера умела успокаивать, она вообще была убедительной во всех своих проявлениях. Таня почувствовала, что акула плавает над ней, доверчиво показывая ей свое белое брюшко. К прежнему восхищению Лерой-француженкой добавилась благодарность к Лере-русской, по-бабьи сострадательной.

Наконец поток Таниных слез иссяк, и она тихо сказала:

– Пойду я, спасибо вам, извините за переполох.

– Успокоилась? Все? Тогда я пошла.

– Куда?

– К нему, – спокойно сказала Лера.

– Зачем?

– Затем! Зачем-то ведь он тебя звал?

– Не надо!

– Надо! – подмигнула Лера.

– Я убегу.

– Только попробуй. Тогда между нами все будет кончено, навек, – сказала она с нарочитой театральностью.

Лера прошла к двери Игоря Лукича и, как успела заметить Таня, без стука зашла к нему. Через несколько минут она вынырнула с грацией акулы и покровительственно сказала Тане:

– Милости просим. Не будь дурой на этот раз.

И Таня второй раз за этот кошмарный вечер вошла в кабинет.

* * *

Игорь Лукич сделал вид, что не заметил, как подурнела Таня. Красный нос и потекшая косметика шарма не добавляли, но зато слезы смыли все роли, которые она себе придумала. И от этого по второму кругу они пошли совсем иначе.

– Я, конечно, извиняюсь, был не прав, погорячился и все такое. Это я обозначаю как тезис, не будем на этом задерживаться. Словом, я осознал, ты, думаю, тоже. И хватит об этом. Согласна?

Таня кивнула, избегая смотреть на него.

– Обращаться к тебе буду на «ты», мне так проще. Тут уж извини, придется потерпеть. Теперь об обращении ко мне. Давай договариваться на берегу. Я тебя старше существенно, мне пятьдесят лет, на минуточку, поэтому я не могу настаивать, но мне было бы приятно услышать «ты» от молодой и красивой девушки. Это ты сама решишь, что, как и когда. Короче, я буду ждать, а ты форсируй это дело. Так будет проще работать.

Таня кивнула.

– Все, пошли дальше. Мне нужно твое перо. Петр Симонович тебя хвалил очень. Может, зря. Но давай попробуем. Только опыт критерий истины.

Таня кивнула.

– Вообще-то сам Петя пишет не очень, на тройку с плюсом, но вкус у него явно есть, и людей он верно оценивает.

Таня опять кивнула.

– Еще раз кивнешь, пойдешь к Лере вторую порцию слез чаем запивать, – сказал он ровным голосом, как будто предложил ей удобнее расположиться в кресле.

Таня вздрогнула и суетливо попыталась исправиться:

– Я постараюсь, хотя про промышленный дизайн мне писать не приходилось. Но в целом современный авангард я улавливаю. Хотя и не люблю, если честно.

– За честность спасибо, но при чем тут промышленный дизайн? И авангард твой?

– Он не мой. Это мировой тренд.

– Согласен. Но на вопрос ты не ответила.

– Ну как же? Вам ведь нужна статья про ваше хобби?

– Какое хобби? – В его глазах было искреннее непонимание. – Ты про что, дитя мое?

– Я про железные экспонаты, которые занимают весь этаж.

Игорь Лукич молчал. Таня решила, что он сражен наповал ее пронизательностью, и продолжала победно:

– Конечно, это можно подать очень эффектно, как бегство от рутины бизнеса. Что есть бизнес, который тянет вас вниз, на грешную землю, а есть эта железная инсталляция, которая весит тонну, но поднимает вас вверх, к небесам, как железные крылья. Это пока вчерне, я потом лучше напишу. Сейчас это первое, что приходит в голову. Просто наброски.

– Стоп! Какая железная инсталляция? Какой этаж занимает?

– Этот. Второй то есть. Ну железо вдоль всего этажа...

– О господи! Лера, – закричал он, – дай нам коньяк! Я с ценителями современного искусства на трезвую голову говорить отказываюсь.

Но Лера не подала ни коньяка, ни признаков жизни. Видимо, она поняла, что это просто фигура речи. Наверное, она привыкла к ложным вызовам и не реагировала на них. И правильно сделала, потому что Игорь Лукич больше про коньяк не вспоминал. Вместо этого он спросил:

– Так, значит, инсталляция? И ты мне нужна для того, чтобы прослыть культурным человеком? Меценатом, коллекционером, куратором каким-нибудь гребаным?

Таня замерла. Кивать она уже боялась, а говорить не решалась. Просто безвыходное положение какое-то. Кажется, она уже успела сказать что-то лишнее, совершенно неуместное.

– Как ты сказала? Значит, я решил сбросить с ног пути бизнеса, тянущие вниз, и воспарить вверх на этих, как ты сказала, железных крыльях? Пошли!

Он решительно вышел из кабинета, Таня вприпрыжку за ним. Игорь Лукич тыкал пальцем в какую-нибудь железку и спрашивал:

– Это что?

– Ну... фигулина такая.

– Точнее!

– Вроде как конус.

– Думай!

– Воронка?

– Правильный ответ! А это?

– На бидон похоже. Ой, нет, на флягу. Простите, я не различаю.

– Не важно, зачет. Уже два правильных ответа. А это?

– Типа тазика. Точно, тазик, только большой.

– А теперь скажи мне, милая девушка, это что надо сделать с мозгами, чтобы, глядя на бидоны, фляги и тазы, назвать все это инсталляцией? Это до какой же степени надо мозги про... – он запнулся, и Таня была ему благодарна за то, что он деликатно проглотил матерное слово.

Игорь Лукич виновато улыбнулся.

И Таня улыбнулась в ответ. Ей стало вдруг легко с этим резким, жестким и властным человеком.

* * *

Вернувшись в кабинет, они заняли прежние места: Таня в кресле, превышающем ее размеры в три раза, а Игорь Лукич заполнил собой все остальное пространство, непрерывно двигаясь по кабинету, как и положено шаровой молнии.

– Да, забыл предупредить, если еще раз назовешь мой бизнес путами и гирями, вылетит отсюда, аки бабочка. Это не обсуждается, просто усвой. Это обязательное условие нашей работы. Я делаю сыр, запомни это, и ничего важнее сыра в моей жизни нет и быть не может. Те «тазики и бидончики», что ты видела, – это фрагменты оборудования для производства сыра разных времен и народов. Это коллекция, которой равных нет. Усвоила?

Таня кивнула.

– Вопросы есть?

– Есть. Так что я должна делать?

– Буковки писать, слова из них составлять. Желательно осмысленные.

– Спасибо за исчерпывающую информацию. Все сразу прояснилось, – робко пошутила Таня. – А буковки о чем должны быть? Я так поняла, не про эту коллекцию.

– Догадливая, – похвалил Игорь Лукич.

– Тогда о чем?

– Не о чем, а о ком. Я пока еще лицо одушевленное. Хоть и не одухотворенное, как ты успела заметить. Живу без инсталляций, аки медведь.

– Значит, о вас.

– Да, обо мне. Пусть это не скромно, но, заметь, вполне логично. Зачем бы я стал тебе платить, если бы ты о других писала? Короче, будешь заправлять чернила из моего кошелька и рисовать буквы обо мне. Нормальный план?

– Я чернилами не пишу, я на компе печатаю. Но не суть. Что именно я должна написать?

– Биографию. Мою, разумеется. Родился, женился, развелся, и так несколько раз.

– Ну, положим, родились вы единожды.

– Это как сказать... Вот умру точно единожды. Что скажешь, милая девушка? Берешься?

Вопросы есть?

– Вопросов нет, все понятно, – и Таня постаралась изобразить на лице готовность к трудовому подвигу.

А что такого? Все великие люди имеют свои биографии. В советское время даже книжная серия такая была – «ЖЗЛ», что означало «Жизнь замечательных людей». Многотомный сборник биографий верных сынов Отчизны в виде художественной прозы, по роману на каждого. Эта серия пережила страну. После СССР маховик «ЖЗЛ» не сбавил обороты, поменяв только критерии, по которым отбирались герои этой серии. Наверное, Игорь Лукич ждет от нее чего-то подобного – прижизненного причисления к лику «замечательных людей».

Какие-нибудь бездельники типа Бенджамина Франклина или Рокфеллера сами свои автобиографии писали, но у нас это как-то не прижилось. То ли некогда нашим замечательным людям было, то ли боязно. Сегодня написал про свое восхождение к славе, а завтра оказался космополитом, и вся твоя автобиография оказалась приобщенной к материалам следствия. Не успел себя поэтом возомнить, как срок за тунеядство впяли. Думал, что армией командуешь, а потом простой майор тебя в застенках выть заставит. Нет, наши люди автобиографий не пишут. И только после смерти на историю их жизни появляется спрос. Покойник не может дискредитировать свою биографию, замарать ее неблагоприятным поступком. Поэтому «Жизнь замечательных людей» всегда посвящалась замечательным, но исключительно мертвым людям. Выходило, что только умерший человек может быть окончательно и бесповоротно замечательным.

А Игорь Лукич, стало быть, ждать не хочет. Ему при жизни все подавай. Нетерпение у него в крови, это же видно невооруженным взглядом. Что ж, зато его позиция честная и открытая: хочу при жизни почитать про то, какой я замечательный. Имеет право. И для этого ему нужна Таня, точнее, Танино умение складывать буквы в слова, а слова в предложения.

– Ясно, – подвела Таня итог своим мыслям. – Я согласна. Какой объем биографии нужен? И в каком жанре предпочитаете? Документальный очерк? Или выберем стилистику мемуаров? Что вам ближе? Или, может быть, автобиографический роман от третьего лица?

Игорь Лукич посмотрел на ее сосредоточенное лицо и захохотал. Глядя на него, можно было понять, как выглядел был шарпей, если бы умел смеяться. Отсмеявшись, он сказал:

– Мне ближе здравый смысл, Танюша. Ты никак меня в формат «ЖЗЛ» вписать решила?

Таня опустила глаза и покраснела. Неловко разговаривать с человеком, который умеет читать твои мысли. Игорь Лукич изобразил комичное отчаяние и закричал:

– Лера, срочно носи коньяк, меня подозревают в идиотизме, это надо отметить!

Как и ожидалось, Лера проигнорировала этот призыв. Похоже, она привыкла, что любая внештатная ситуация сопровождалась заказом коньяка, пить который никто не собирался.

И вдруг Игорь Лукич стал серьезным. Совсем. Это произошло так резко, что у Тани на лице зависла по инерции улыбка, ставшая вдруг совсем неуместной.

– Вот что, боевой товарищ Татьяна, я еще в своем уме и глянецвый памятник себе при жизни ставить не собираюсь. Не путай меня с разными гламурными гимнастками и сопливыми футболистами, которые свои былые спортивные травмы уже сто раз оптом и в розницу про-

дали, биографические книжонки издали и автографы марают. – Игорь Лукич передернулся от отвращения.

– Я просто делаю сыр. Сыродел я. Ясно? Сыроделов в стране много, но мое отличие состоит в том, что я делаю сыра много и по возможности хорошо. Но мне не все удастся. Иногда мне мешают, иногда пакостят. И чтобы такого было поменьше, мне нужен депутатский мандат. Как я его буду использовать, тебе не нужно знать. Какие двери я им открывать буду, тоже не твое дело. Кому я глотку им заткну, опять же не твоя забота. Твоя задача – впрячься вместе со мной в его получение. Мы с тобой должны вырвать этот мандат, выгрызть его у жизни. Я достаточно красноречиво выражаюсь? Тебе все ясно?

– Ясно, – испуганно кивнула Таня.

Игорь Лукич, еще минуту назад подобный доброму шарпею, пугал ее скоростью перевоплощения. Теперь он был похож на рычащего волкодава. Ей захотелось быть от него подальше. На всякий случай.

– А может, этот мандат можно купить? – осторожно предложила она.

Расчет Тани был прост. Он купит свой мандат и отпустит ее назад, в теплую и пыльную редакцию, она ему будет не нужна. Это так здорово – сидеть, поджав ногу, крошить печенье на сиреневый пуловер, писать про мусорные свалки и знать, что вокруг тебя милые люди, которые мухи не обидят. Радоваться шуткам Петра Симоновича, талантливо описывать кастрацию котов, обсуждать с бухгалтером Людкой ее роман с разносчиком пиццы... Сколько тихой радости в их застойной гавани. А вместо этого рычащий волкодав берет ее с собой в поход за депутатским мандатом. Ей захотелось откосить от этой мобилизации.

– Купить? Да ты мудра не по годам. Аки змея. Телевизора насмотрелась?

– Ну... Наверное, можно же как-то...

– Это мы обсуждать не будем. Все, что нужно, с моей стороны будет сделано, в этом можешь не сомневаться. И не лезь туда, это не твоего ума дело. Твоя задача другого рода. Когда я выйду на финишную прямую, найдутся люди, которые вытащат на свет все мое грязное белье. А я его породил курганы, потому что жил всегда в полную силу. Если человек живет, его белье рано или поздно всегда становится грязным. Меня это не смущает, но это может повредить моим планам. И ты должна мне в этом помочь.

– Чем помочь? Постирать ваше грязное белье? – Таня сама не ожидала от себя такой дерзости.

Но, похоже, Игорь Лукич даже не заметил ее настроения.

– Стирать не надо, это тебе не по силам. Но надо всю мою биографию упаковать так, чтобы выбить карту из рук, скажем так, недоброжелателей.

– Не поняла.

– Не сомневаюсь. Поэтому слушай дальше. Я объясняю один раз и подробно. Дальше ты уходишь и начинаешь работать. И мы встречаемся только для обсуждения твоей рукописи.

«Даже в ресторан не ходим», – тоскливо подумала Таня.

А Игорь Лукич продолжал:

– Твоя задача – не оставить в моей биографии ни одного, ни единого «белого» пятна. Чтобы никто не мог, пуская слюни, закричать на весь интернет: «Смотрите, что я нашел!» Все нашли раньше тебя, опоздал ты, мудака. Прошу прощения за мой французский. Но! И вот тут главный фокус, за который ты отвечаешь: ты должна так скомпоновать эти «пятна», такую мозаику из них выложить, чтобы получился витраж чудовищной красоты. Аки в церкви. Чтобы я как херувим был, только без крыльев. Как там у тебя? Инсталляция тянет меня вверх, к небесам? Нет, милая девушка, вверх меня потянет твоя биография. То есть моя, но в твоём изложении. Ты должна сочинить мою жизнь, но при этом строго придерживаться фактов. Разложить неприглядные факты в такой пасьянс, чтобы с меня пионеры пример брали, если бы их не разогнали. Ясно?

– Не совсем.

– Правильный ответ. Ответила бы «ясно», уволил бы тут же, к чертовой матери. Потому что тебе еще ничего не может быть ясно. Мне самому только в общем виде это понятно. Но ты вникай! Например, есть жены и любовницы, получившие отставку. Допустим, что они все прекрасные люди, даже расчудесные, но такое без обид не проходит. Всегда кажется несправедливым, что их поменяли на других. Иначе не бывает, это закон жанра. Любая женщина мечтает, чтобы история закончилась на ней. И вот я уже не обычный человек, с которым она не смогла ужиться, а безнравственный гад, который привык использовать женщин, срывать их, как цветы, на своем пути. Ну и вся прочая лабуда, которую пишут в женских романах. И вот тут внимание! Тут начинается самое главное! При определенных обстоятельствах, при грамотной подводке моих недоброжелателей они могут встать на скользкий путь – начать отрывивать свой яд в умело подставленные уши.

– Яд не отрывивают, – автоматически поправила Таня. У нее было безошибочное чувство слова.

– А что с ним делают? Короче, не нуди. Но вообще-то ты молодец, со словами дружишь, я понял. Идем дальше. Твоя задача – найти этих женщин раньше конкурентов, выдавить их яд в свои уши, полностью, без остатка, буквально осушить закрома яда, а потом составить эти слова в такую пирамидку, чтобы я получился какой-то героический гад. Ведь между гадом и суперменом грань очень тонкая, можно даже сказать, условная. Ну, не знаю, например, я выкинул милую женщину из машины в чистом поле, чем смертельно ее обидел. Принято! Повод для обиды, согласен, уважительный. Но опять же это как посмотреть! А что, если я очень спешил? И на выяснение отношений у меня не было времени? Например, я торопился принимать роды у племенной коровы.

– Какой коровы?

– Условной. Это я для примера. Хотя, кстати, племенная корова стоит дороже любой любовницы, если их в долларах оценивать. А сыры, настоящие сыры, очень требовательны к качеству молока. Найти качественное молоко сложнее, чем хорошую любовницу. Для сыров корова важнее, чем любовница. И, стало быть, для меня тоже. У меня сердце в виде сыра. Огромное сырное сердце. Вот такое я чудовище.

И он опять улыбнулся, широко, собрав кучу складок. И опять стал похож на шарпея. Только теперь Таня отчетливо увидела, что у этого шарпея глаза волкодава.

– Я правильно поняла, что надо написать биографию, где скажут свое веское слово все, кто терся о ваше грязное белье? Но их воспоминания надо... – Таня мучительно подбирала точное слово, – надо как бы отретушировать и в правильную рамку вставить...

– Да! – почти закричал Игорь Лукич. – Вот! Точно! Самая откровенная биография, с кучей клубнички, наши это любят, но чтобы правда там была исключительно правильная, в нужной таре. Или, как ты сказала, в верно подобранной рамке.

– Это как?

– А правда разная бывает. Нам нужна только правильная, и никакая другая. Смотри. Условная ситуация следующая: ушел мужик от жены к любовнице. Он кто? Мерзавец? Это одна правда, и она имеет место быть. Потому что бросил, разлюбил, выкинул из своей жизни, а она уже немолодая, и шансов на новую семью у нее почти нет, и прочие жалостливые слова. Бр-р-р, – и Игорь Лукич брезгливо передернулся, – но, с другой стороны, может, он любовь ищет, жить без любви не может. Вот тебе и вторая правда. Тогда он не мерзавец, а герой-идеалист, который мыкается по свету, мечту за хвост ухватить хочет. Улавливаешь разницу?

Таня задумчиво и неопределенно кивнула. Все-таки первая правда ей больше нравилась. Но суть задания она начала понимать, и ее осмысленный взгляд не укрылся от заказчика.

– Кстати, что мы все о бабах разговор ведем? Там еще целая тема с партнерами по бизнесу будет, но логика та же. Ну ты уловила! Да, бросал, кидал партнеров, разводил на деньги

клиентов, да, измарался по полной. Эти факты ты быстро нароешь, я их неглубоко закапывал. Бизнес вообще в белых перчатках не делается. Но! И вот тут главное! Делал это исключительно из лучших побуждений, чтобы в итоге построить настоящую сырную империю. Теперь люди мой сыр едят и плевать готовы на всю эту предысторию. Улавливаешь? Все зависит от того, какие слова ты нанижешь на эту сюжетную нитку. И никто нитку не увидит, все увидят готовые бусы. Твоя задача – нанизывать на мою жизнь правильные бусины-слова. Поняла?

– Да, – честно призналась Таня. – Значит, с вас нитка, а с меня готовые бусы?

– Не дурак Петька! Правильную девочку подобрал! Значит, работаем.

И он быстро подлетел к столу, точным движением вытащил из горы бумаг один листок и по-деловому, как будто он на производственном совещании, сказал:

– Вот, смотри. Здесь я набросал перечень твоих главных информантов, с кем тебе обязательно надо встретиться. Напротив каждого – телефон, адрес, все, что знаю. Тут два раздела: личная жизнь и деловые контакты. Берем только основных людей, мелочовку пропускаем. Случайные связи, короткие интрижки и мимолетные бизнес-схемы я уже отфильтровал, здесь их нет. Они погоды не делают. Все, что в списке, – обязательно для отработки, тут только крупные кирпичи моей жизни. Ну сама разберешься. Срок тебе два месяца.

Таня посмотрела на листок. Имен было много. В разделе «Личное» были выделены подгруппы: жены и любовницы. И напротив каждой аккуратно прописаны годы, им отведенные. Даты стояли через дефис, как на кладбищенском памятнике: когда в их жизни появился Игорь Лукич и когда ушел от них. Почему-то Таня не сомневалась, что уходил он, а не от него.

По бизнесу тоже был полный армейский порядок. На листке в разделе «деловые контакты» шли имена, сопровождаемые датами. Ясная и четкая система.

– Двух месяцев мало, – оценила объем работы Таня.

– Тогда два месяца и пять дней, это край. На работу в редакцию, разумеется, не ходи. Я с Петькой договорюсь. О деньгах не думай. Вот тебе на первое время на представительские нужды, разные там кафе, такси и прочее. Возможно, придется слетать в какие-то города. Не экономь! Это приказ!

И он вручил ей пластиковую карточку, к которой скрепкой была прикреплена бумажка с какими-то цифрами. «Пин-код», – догадалась Таня. Банковская карточка была на имя Татьяны Сидоровой. Значит, он не сомневался, что они договорятся. Заранее в банке карточку на ее имя открыл. «Сердце у него, может, и сырное, но все остальное железное», – подумала Таня.

– За работу рассчитаюсь в конце, когда рукопись принесешь. Поверь, это будут хорошие деньги. Не обижу. Возникнут вопросы – обращайся.

Таня поняла, что тема исчерпана. Вообще не понять его было трудно, он говорил однозначно и повелительно.

– Да, и еще. Если надо с кем-то о встрече договориться, можешь это Лере поручать. Чтобы тебе время и нервы сэкономить.

Разговор был окончен. Пора было уходить и браться за работу. Таня чувствовала себя довольно неплохо: задание интересное, можно даже сказать, творческое, деньги обещаны хорошие, Игорь Лукич вменяемый. Похоже, признает ее журналистский талант. Даже Леру ей в помощники выделил. Приятно, когда тебя ценят. Что еще надо? Она пошла к дверям.

– И не болтай нигде, ничего и никогда. Иначе урою, – выстрелил ей в спину Игорь Лукич.

Это было так неожиданно и так контрастировало с ее душевным подъемом, что Таня слегка пошатнулась, но устояла. Видимо, он выстрелил холостым. Однако ее хорошее настроение лопнуло, как воздушный шарик. Шарпей на прощание сверкнул глазами волкодава.

Глава 4. Стремительная Варвара

Логично было писать биографию с самого начала, поэтому Таня начертила на бумаге две стрелы, дав им кодовые названия «Личная жизнь» и «Хроники бизнеса». Немного подумала и приписала под второй стрелой: «Становление сыродела», так получилось менее официально и более конкретно.

По понятным причинам разрабатывать первую линию ей было неизмеримо интереснее. Молодость и принадлежность женскому племени определяли ее вкусы. К тому же прежняя работа напрочь лишала ее подобных возможностей, обрекая на сплошные хроники ничтожно малых деловых событий. А тут впереди призывно мерцали любовные страсти, в которых ей предстояло разобраться.

Будучи человеком тщательным и системным, Таня нарисовала на прямой стреле времени несколько зарубок: первая свадьба, развод, вторая свадьба, развод. В соответствующем хронологическом порядке вставила парочку любовниц. Получилась хорошая канва для сентиментальной истории, настоящий синопсис мелодрамы. Одно удовольствие писать про такую полнокровную личную жизнь. Осталось придать ей огранку, оформить в литературную красоту, сделать Игоря Лукича героем с большой сердечной мышцей. Вот это и будет ее рабочая схема на первое время.

Правда, факты из личной жизни сыродела по-разному отдавались в ее душе. То, что Игорь Лукич не состоит на данный момент в браке, почему-то вызывало в ней чувство глубокого удовлетворения, а вот то обстоятельство, что у него в настоящее время есть любовница, почему-то раздражало.

Таня признавалась себе, что ей чисто по-женски любопытно посмотреть на избранниц Игоря Лукича. Его незаурядность не оставляла сомнений. Интересно, каких женщин выбирают подобные мужчины? И где-то в глубине души всплывал вопрос – похожа ли сама Таня на таких женщин? Мог бы он выбрать ее в гипотетических предлагаемых обстоятельствах?

Разбираться в хитросплетениях личной жизни сыродела ей было интереснее, чем в модернизации свалок, о которых она писала в газете. Поэтому энтузиазм звенел в ней натянутой струной, когда она позвонила «старшей жене». Это была первая зарубка, первый водоворот в личной жизни Игоря Лукича. Зарубку звали Варварой.

Варвара сняла трубку с первого гудка и так нетерпеливо сказала «Да, слушаю», как будто Таня уже целую минуту мучила ее молчанием. Таня интуитивно прибавила скорость своей речи, выпалив заготовленную фразу о необходимости встречи.

– Я поняла, вам нужно поговорить о молодости Игоря. – Тане показалось, что Варвара говорит на бегу. – Скажите, а можно обойтись без меня? Пусть сам все расскажет. Или у него нет времени на воспоминания?

– Он очень просил вас помочь мне. Мне важно...

В трубке затрещало и связь прервалась. Видимо, Варвара забежала в такой укромный угол, куда не проникали волны сотовой связи. И тут же сама перезвонила, выбежав на открытый простор.

– Как вас зовут? Татьяна? Вот что, Татьяна, пока меня не взяли в оборот другие дела, давайте прямо завтра. Покончим с этим побыстрее, раз это неизбежно. Когда уже Игорь наконец забудет про мою скромную персону?

Тане показалось, что ссылка на пожелания бывшего мужа работает безотказно. Ему не перечат даже после развода. А может, «старшей жене» напоследок тоже было обещано «урить», если что. Так или иначе, упрасивать ее о встрече не пришлось. Она согласилась быстро, хоть и неохотно.

– Спасибо. Где вам удобно?

– Мне, вообще-то, завтра нигде не удобно, если честно. Знаете что? Если вас не затруднит, то давайте у меня дома. Вы можете записать адрес? – И она начала диктовать адрес раньше, чем Таня нашла клочок бумажки. Пришлось запоминать со слов.

Но даже эта техническая сложность не омрачила настроения Тани. Она получила согласие на встречу в домашней обстановке, и это была безусловная удача. Ведь если и выдавливать яд до дна в соответствии с указаниями заказчика, то лучше это делать дома. В кафе полно зрителей, поэтому там каждый становится немного актером. А в собственной квартире можно расслабиться, даже всплакнуть не возбраняется. Нет, дома определенно лучше! И понять человека проще по домашней обстановке. Скажем, бигуди из-под косынки или хрустальные рюмочки в серванте говорят о человеке больше, чем характеристика из профкома. Таня умела подмечать детали и делать из них далекоидущие выводы.

По голосу она не смогла составить портрет первой жены. Торопыга, безусловно. Но какая-то интеллигентная торопыга. Сама перезвонила, да и строение фраз, подбор слов выдавали в собеседнице представителя интеллигенции. А это означало, что нытья за жизнь и проклятий в сторону «бывшего» Таня, скорее всего, не услышит. Интеллигенция плохо консервирует яд, он у нее какой-то скоропортящийся.

Таня знала этот типаж по родителям, которые были примерно того же возраста, что и «старшая жена», то есть им было в районе пятидесяти. Насколько Таня успела узнать своих родителей и их окружение, они не говорили о людях плохо не потому, что не доверяли собеседнику, а потому что стеснялись исключительно самих себя. Им было неловко перед собой говорить о ком-то плохо. Таня так и не поняла до конца природу этого явления. Была ли такая беззубая интеллигентность характеристикой поколения? Или все-таки это величина постоянная, присущая интеллигентам всех времен и народов? Она много думала на эту тему, многократно задавая себе вопрос: чем все закончится? Уйдет это поколение и наступит эра хама? Или такие люди будут возникать всегда, как вероятностная социальная мутация? Тут даже наследственность роли не играет. Ведь вышел же из ремесленного училища артист Тихонов, из «ремеслухи» в Штирлицы – это покруче будет, чем из грязи в князи. Кстати, князя Болконского он тоже сыграл. И за всю жизнь ни в одном интервью ни с кем не посчитался, счета не свел. Таня бы так не смогла.

Значит, интеллигентная женщина постбальзаковского возраста ждет ее. Нехорошо заставлять даму ждать. А пока есть время, надо подготовиться к встрече, набросать примерный план беседы и обдумать возможные варианты того, во что может вылиться исповедь «старшей жены».

Таня скептически относилась к коллегам, которые выходили «на натуру» как чистый лист бумаги. Нужно иметь в голове набросок, эскиз будущего текста, своего рода схему, заполняемую по ходу дела увиденным и услышанным. Когда-то одна мудрая наставница, которая дала ей больше, чем весь журналистский факультет, учила: «Схема может оказаться неверной, она может скукожиться перед тем, что ты увидишь. Рассыпаться и разбиться вдребезги. Но она должна быть. Разбираясь с тем, почему треснула прежняя схема, ты сможешь построить новую. А идти в поле с пустой головой – это непрофессионально. Так делают не журналисты, а пионеры в коротких штанишках».

И Таня, считая себя профессионалом, приготовилась к встрече. Итак, что мы имеем? Старую как мир историю про то, что «любил, а потом разлюбил». Значит, возможный ход беседы в общих чертах понятен. Сначала ей будут долго рассказывать про то, как юные Игорь и Варвара были молоды и счастливы, как наскребали денег на один пломбир и радостно лизали его по очереди с перерывами на поцелуи, а потом вдруг чувство остыло, пломбир растаял, и он ушел к другой, которая вытерла его перемазанные мороженым губы новыми поцелуями. Все настолько избито, что даже неинтересно. Дальше в зависимости от воспитания выносится вердикт: виновен или невиновен. Совсем как суд присяжных. Либо «он не виноват, что разлюбил

меня», либо «вот козел, на свеженькое потянуло, виноват, однозначно». Здесь ее ждет, очевидно, первый вариант. Все-таки женщина явно интеллигентная. Что ж, вперед, это ее работа.

* * *

Дверь открыла женщина той особой внешности, о которой говорят «не красавица, но что-то в ней есть». Точнее сказать, она распахнула дверь. Ее движения были какие-то очень амплитудные, широкие, колоритные. И улыбка у нее была им под стать, как будто она распахивала объятия, она улыбалась всем лицом. Варвара располагала к себе сразу и бесповоротно. В ней была та разновидность интеллигентности, которую Таня определяла для себя как «интеллигентность демократическая» или «разночинная интеллигентность». На интеллигентность аристократическую Варвара не тянула и, очевидно, не тяготилась этим. Это сквозило во всем: в небрежно забранных вверх волосах, в ладно сидящих джинсах и закатанной по локти клетчатой рубашке, в однотонных тапочках и отсутствии макияжа. Все было очень просто, но мило и стильно. И очень ей шло. Одежда сливалась с ней в один образ, который можно было бы назвать «стремительная женщина».

У таких женщин всегда прекрасные фигуры при полном игнорировании фитнеса. Они сжигают калории быстрой походкой, обгоняя трамваи, которые у них не едут, а непременно «ползут». Такие женщины могут забыть пообедать, потому что заболтались, забегались, закрутились. У них много друзей, потому что все хотят зарядиться их энергией, заразиться их настроением. Таня знала этот типаж и симпатизировала ему. Она сама хотела бы быть такой в свои пятьдесят лет. «Как он мог от такой уйти?» – по Таниной схеме пробежала первая тренировка.

Они прошли на маленькую кухню. Все знакомо: холодильник в углу, на нем магнитики, сидя на табуретке, можно дотянуться до плиты, фиалки на окне. Стандарт нижнего слоя среднего класса. Богатство тут не ночевало, но достаток был. Похоже на кухню в доме Таниных родителей. Этот дизайн кухни восходил к лозунгу «не в деньгах счастье», а может, оправдывался им.

В первую же минуту Варвара предложила чай и решительно отказалась от отчества. Как и ожидалось, чай она не наливала, а плескала в чашку. Медленно бегущая струйка ее раздражала. Таня поняла, что у нее немного времени. То, что Варвара называла долгим разговором, могло занимать от силы полчаса. Наблюдая за подобными женщинами, Эйнштейн мог бы открыть свою теорию относительности и без математических наворотов. Время демонстрировало свою относительность наглядно и доходчиво: жизнь ускорялась в жилах Варвары, которая была вся стремительность и порыв.

По дому были разбросаны игрушки; стояли, раскрыв рты, разномастные ноутбуки; в коридоре веером топорщились лыжные палки разных ростовок. Вопрос о повторном замужестве был снят, такие женщины не остаются одни. На их энергию мужчины слетаются, как мотыльки на огонь. «Да они похожи с Лукичом! Будто по одним лекалам выкроены. Как же так? Как он мог ее бросить?» – подумала Таня.

Обменявшись дежурными приветствиями, Варвара, вытирая разлитый от излишнего ускорения чай, прямо спросила:

– Что именно вас интересует? Из ваших объяснений по телефону я мало что поняла, но ясно, что Игорь опять куда-то движется. Он на месте стоять не умеет, сразу заваливается набок, как волчок. Что требуется от меня?

И тут же без перехода:

– Вы не знаете, где можно купить хороший чайник? Уже третий меняю, и все неудачно. Какое-то барахло выпускают. У меня вечно все разливается. Замучилась вытирать. А у мужа почему-то нормально льется, – искренне недоумевала она.

«Господи, как же они похожи, как брат и сестра», – снова подумала Таня. А вслух сказала:
– А вы помедленнее наливайте.

– Я пробовала. Что? Еще медленнее? Спасибо за совет, я попробую, – засмеялась она.

Таня улыбнулась. Надо было быть камнем, чтобы не попасть под обаяние этой женщины. Варвара перешибала ее энергетически, поэтому Таня решила, что диалог она не потянет. Нет, ей нужно перевести Варвару в режим монолога, задать общий рамочный вопрос и предоставить ей простор для рассказа. Кажется, это называется «нарратив», когда человек сам выбирает траекторию рассказа, а собеседник лишь внимает ему с умными глазами и заинтересованным видом, что, кстати, очень важно.

– Так на какую тему мы будем пить чай?

– Варвара, расскажите мне, пожалуйста, как вы с Игорем Лукичом встретились, а потом расстались. – Таня задала тему беседы так широко, как только могла, чтобы молчать до конца чаепития.

– Ну, положим, у нас не было шансов не встретиться, мы ведь учились в одном институте, на одном факультете и жили в одном общежитии. Только я была на два курса младше. Как муравьи, ходили по одним тропам. Вас, видимо, интересует другое, как мы поженились.

– Да, я именно это имела в виду. – Тане было неловко за свою речевую неряшливость.

– Но и с этим все просто. Вам покажется мой ответ странным, но он честный: пришло время жениться, мы и поженились.

– А любовь? Была?

– Наверное, какая-то была. Но в молодости новая любовь рождается каждый месяц, как молодая луна. Хотя тогда мне казалось, что да, любила. Сейчас уж не знаю. Про нас можно было сказать, что особой любви не было. Только любовь не бывает особой. Не было особой, значит, не было никакой. Было какое-то совпадение, похожесть, что, помноженное на молодость, можно было принять за любовь.

– Не понимаю... Тогда почему вы поженились?

– Сейчас мне кажется, что главным нашим купидоном было само время.

– Как это? – Таня втягивалась в разговор против своей воли.

– Танечка, это было еще в СССР. Слышали о такой стране?

– Да, про Советский Союз нам много рассказывали в университете. Фальшивая идеология привела к закономерному финалу, – по-ученически серьезно сказала Таня.

Варвара снисходительно усмехнулась:

– Ну идеология, может, была и фальшивая, зато герои были настоящие.

Таня поняла, что сказала что-то не то. Нужно было срочно возвращаться на прежнюю тропу разговора.

– Вы начали рассказывать, почему поженились, – подтолкнула она.

– Видите ли, тогда к окончанию института почти все были закольцованы. Большие дети с колечками на безымянных пальцах. Так было принято. Дальше все вставали на один и тот же эскалатор, который медленно тащил вас вверх. Сейчас тот эскалатор сломан, нужно самим ножками перебирать. Я преподаю в университете и вижу, что молодежь откладывает создание семьи, и, наверное, правильно делает, потому что появилось столько возможностей и соблазнов. А тогда остаться после института одинокой было почти то же, что стать старой девой. Каждую неделю в общежитии «продавали» невест, женихи танцевали в тазах, было такое испытание, «выкуп» назывался... Словом, студенческие свадьбы были регулярными и на одно лицо, по одному сценарию. Ведь будущее у всех было почти одинаковое, а главное – предсказуемое. А мы с Игорем... мы были в чем-то важном очень похожи. Комсомольцы-добровольцы... Прямо как попугаи-неразлучники. Вместе заседали в студсовете, вместе представляли институт на спартакиаде, вместе ездили с агитбригадой по колхозам, вместе зажигали в КВНе. Всюду вместе, так чего уж... Оставалось только пожениться, что мы и сделали. Нормальная свадьба

двух комсомольцев, у которых много общего. И это могла быть нормальная семья. Может быть, даже счастливая.

– Тогда почему вы разошлись?

– Потому что время изменилось. Слышали такое слово «Перестройка»?

Таня кивнула.

– Ну вот и все. Одно время поженило, другое время развело. У каждого времени свои законы. Знаете, кто увел у меня Игоря?

Таня напряглась, она ожидала услышать имя разлучницы. Надо у Игоря Лукича ее координаты спросить. Странно, что он забыл вставить Варварину соперницу в свой список. Согласно его хронологии, у Варвары не было конкуренток. Неужели запамятовал?

– Горбачев. Он изменил мне с Горбачевым, – и она как-то грустно засмеялась.

– Простите, я не понимаю.

– Что же тут непонятного? Давайте я лучше вам чай подолью.

Тане показалось, что Варвара взяла паузу, чтобы решить, стоит ли продолжать этот разговор или закруглить его и выпроводить Таню. И что-то подсказывало Тане, что Варвара выберет второй вариант.

Хозяйка взяла чайник и резко, своим фирменным движением стремительной женщины, плеснула кипятком в Танину чашку. Чашка не устояла. Кипяток залил Танины колени.

– Снимай джинсы! – закричала Варвара, сразу перейдя на «ты». – Убью этот чайник!

И она затолкала Таню в ванную. Больно было так, что Тане стало не до сантиментов. Молниеносно сняв джинсы, она залезла в ванную и начала обдавать ошпаренные места холодной водой. Боль уходила, но ненадолго. Колени просили холодной воды снова и снова, они были ненасытны, как верблюды после дальнего перехода.

– Танюш, прости меня, вот ведь криворукая, – канючила под дверью Варвара. – Может, маслом каким помазать? Я плохо в этом разбираюсь, но давай в интернете посмотрим. У меня облепиховое есть.

– Нормально все, пузырей нет, все пройдет, – мужественно отвечала Таня.

Но вина Варвары была налицо. И на обочине Таниного сознания приятно мелькнуло: «Все, ты теперь меня не выгонишь, торопливая моя».

– Тань, к тебе зайти можно?

Таня вспомнила про свои трусы. Никогда не знаешь, куда стоит надевать трусы поприличнее. Не на свидание же шла. Есть у нее бирюзовые с лайкрой, так нет же, хлопок застиранный напялила.

– Тань, померь это. – Из-за двери высунулась рука с чем-то ярким наперевес.

Таня удивилась прозорливости Варвары. Это оказались широкие шорты гавайской раскраски. «Может, она сама не всегда в бирюзовых трусах ходит? А при Игоре в чем ходила? Господи, о чем я думаю», – окоротила себя Таня.

Через полчаса чаепитие переместилось в ванную комнату. Варвара расположилась на унитазе, а Таня в роскошных гавайских шортах сидела на бортике ванной и периодически поливала ожоги холодной водой. Печенье они поставили на стиральную машинку, потеснив фен и туалетную бумагу. Обстановка была такой уютной, что они даже убрали общий свет, оставив только подсветку над зеркалом. Под журчание сливного бачка Варвара как-то обмякла, замедлилась и начала говорить о главном:

– Знаешь, Танюша, я и вправду думаю, что мы с Игорем могли бы жить долго и даже временами счастливо, если бы Советский Союз не рухнул. Тебе, конечно, кажется, что это я себе оправдания ищу, но нет, все прошло, уже не болит ни в каком месте. Там много всего было, но я только одну историю расскажу, может, поймешь, а может, нет...

Варвара медленно и очень осторожно подлила Тане чай и примостила чашку среди шампуней и гелей.

– Я заканчивала институт в год, когда СССР рухнул, и мой диплом совпал с победным рывком народа в капитализм. И в числе первых прорвавшихся был мой муж, Игорь, он же на два года старше меня был. Он тогда создал какую-то страховую фирму и взял меня на работу, чтобы я написала диплом на материалах его бизнеса. Я ведь на экономическом факультете училась. Днем работала, а ночью умирала от страха, что останусь без диплома, времени писать совсем не было. Но Игорь жестко руководил мною, ты же его знаешь. Сам написал за меня половину. Короче, свой красный диплом я получила и решила в науку идти, в аспирантуру поступать. Знаешь, был такой синдром в советское время: для девушек из интеллигентных семей законченное высшее образование наступает только после защиты кандидатской диссертации. Но муж мне толково объяснил, а он умеет это делать, что на фиг никому это не нужно, что лавочку под названием «наука» пора закрыть и забить дверь гнилой доской. Что я и сделала. Пошла с ним дальше, рука об руку, рынок строить. Зажав кирку в мозолистой руке. Кирка и мозоли – это, конечно, образы, не было ничего такого. И рынка не было. Знаешь, в чем состоял наш бизнес? Собирали деньги с населения. Нет, это было не МММ, все-таки мой муж по гениальности до Мавроди недотягивал. Брали под какие-то страховые программы. Когда Мавроди считал деньги комнатами, мы скромно, по мелочи, – коробками. Считать деньги коробками довольно скучно, от нечего делать я занялась расчетами нашего бизнеса. Вывод был очевиден – деньги мы не вернем.

Варвара зачем-то спустила воду в унитазе, на котором сидела. Видимо, так она хотела разрядить обстановку. Таня видела, что Варвара нервничает.

– Наивная до придури, я пришла с этим открытием к мужу. На груди развевался воображаемый пионерский галстук. Главное, сохранить скромность во взгляде, когда он будет рыдать у меня на груди и благодарить за спасение его чести. От слез пионерский галстук намокнет, будет некрасиво. Нет, лучше представлю себя с комсомольским значком на груди. Только бы не укололся, дорогой мой человек. Я уже иду, я спасу тебя!

Варвара замолчала.

– Спасли?

– Я показала ему расчеты. И знаешь, что он ответил мне? Никогда не забуду. Он сказал тогда: «Перекраснеемся». Русский язык обогатился новым словом, а я – новым опытом.

– И что было потом?

– Потом у нас было разное, у каждого свое. Он перекраснелся и пошел дальше по дороге бизнеса. А я той самой киркой, которой недавно строила рынок, отколупала доску, которой забила дверь в науку. Сдула пыль, огляделась, зажмурилась... Чтобы не видеть обшарпанность и убогость, запретила себе отрываться от компа. Поэтому кандидатскую диссертацию написала быстро, можно сказать, на одном дыхании. Потом докторскую. Параллельно детей рожала, новую семью строила. Так что все хорошо в итоге вышло.

– А деньги он людям вернул?

– Что-то вернул, кажется... Но в те годы другие масштабы воровства были, он тогда еще щегол был. На фоне остальных это все так, по мелочи.

– Вы не жалеете? – зачем-то спросила Таня.

– Чего? Что дальше не вместе? Это, Танюша, предопределено было. У каждого свой путь, как бы пафосно это ни звучало. Жизнь нашего поколения ровно пополам разломилась: полжизни мы прожили в СССР, полжизни – на его обломках. Получается, мы с Игорем вместе были, пока по советскому пути шли, а когда вышли на перекресток имени Горбачева, то каждый дальше пошел своим путем. Он стал «новым русским», а я «новым грустным». Вот так, забавно даже. История одной семьи как зеркало русской революции, – невесело засмеялась Варвара.

– Почему вы мне это рассказали?

– Не знаю. Если человек помнит какую-то историю, рано или поздно он ее кому-то расскажет. Лучше тебе. Мне же позвонил Игорь, предупредил, что ты от него придешь. Лет десять не звонил, значит, надо ему. И потом... Знаешь, столько лет прошло, а я все так и стою на том перекрестке, все пытаюсь понять, как это происходит. Почему вроде бы похожие люди на таких перекрестках расходятся? Что такое внутри нас делает этот выбор? А может, он прав был? Все-таки новую страну они построили, шли и шли вперед, не сворачивая. Как бульдозеры. Игорь тогда мне говорил, что он, как Рокфеллер, потом отчитается за каждый заработанный миллион, кроме первого. Наверное, это и называется эпохой первоначального накопления капитала, когда все готовы на все ради первого миллиона. Только...

Она замолчала.

– Что только? – подтолкнула Таня.

– Я потом автобиографию Рокфеллера нашла. Нет там такой фразы. Он за каждый миллион пытался перед читателем отчитаться, за каждый, и даже за первый. Может, в этом и есть разница между тем, какое общество построили они и какое мы.

Повисла пауза.

– А дети у вас были?

– Нет, Бог-то, видно, знал, что наши пути разойдутся. Мои детки – это все потом. Кстати, ты в шортах старшего сына сидишь. Давай, ты в них пойдешь, а джинсы я тебе в пакет положу.

И Варвара включила общий свет. Это означало, что разговор окончен и Тане пора на выход.

– Шорты можешь не возвращать, сын их редко носит, недолюбливает, – сказала Варвара на прощание.

Было понятно, что эта фраза была не про шорты, а про то, что новой встречи не будет. Это кольнуло Таню легким разочарованием. Но чего она хотела? Стать подружками? Смешно. Хотя и заманчиво.

Таня уходила из дома, где есть все, что нужно для счастливой жизни: дети, строптивый чайник, частокол лыжных палок и даже гавайские шорты. И если бы у нее был выбор, она бы выбрала путь, который выводит на такие кухни.

Глава 5. Молочно-патриотический блюз

Игорь Лукич с брезгливым выражением на лице читал речь партийного лидера. Господи, ну почему он поставил на такого идиота? Может, не поздно еще в другую партию перейти? Но чем там лучше? Вон Петрович, его друг, король птицефабрик, к другой партии прибил, а рассказы один в один сходятся, разницы нет, тот же маразм, но в другой словесной шелухе. «Какую партию ни создаем, а получаем вечную КПСС», – грустил Петрович. Умный мужик Петрович, не случайно в список Forbes входит. Игорь Лукич гордился дружбой с ним и ценил его откровенность.

«Видимо, я – козел бодучий. Все мне не так. Времена меняются, а я вечно всем недоволен. Может, это старость?» – корил себя Игорь Лукич.

И основания для самокритики у него были. Пока солью земли русской были коммунисты, Игорь знал, что его место среди беспартийных. Когда коммунистов свергли, он ополчился против либералов, обвиняя их в недостатке патриотизма. Точнее, не обвинял, а тихо бухтел, потому как массовые действия не любил в любом разливе – от марафонского бега до политического митинга. Ему казалось, что либералы недостаточно любят родину, отказывая ей в самобытности. Словом, Игорь Лукич был тайным и неосознанным славянофилом. И вот пришел праздник на его улицу – все стали патриотами.

Политики рвали на груди рубаху в приступах любви к отчизне; чиновники протирали дыры, стоя на коленях в храмах; певцы добавляли в свой жиденский репертуар положенные на ноты купола золотоглавые; телеведущие освоили «пятиминутки ненависти»; а народ посмеивался, но голосовал за. И тут Игорь Лукич опять приуныл, ему опять это не понравилось.

Как-то не так он представлял себе патриотизм. Тот оказался каким-то горластым и напоистым, наглым и драчливым, и слишком обильным – когда ты уже и сидишь на нем, а им все продолжают потчевать. Но вроде бы многим нравится. Может, что-то с ним не так?

Чтобы не выносить на свет свою бодучесть, Игорь Лукич избегал обсуждать эти вопросы. Потому что ответов у него все равно не было. Он – за рынок, но не тот, когда победителями стали жующие бюджетные деньги разбитные парни, отпрыгивающие в оттопыренные карманы чиновников. Игорь Лукич был производственником, заводчиком, он на дух не переносил тех, кто сидел на бюджетных потоках. Он – за патриотизм, но не тот, когда любить страну надо громко и обязательно прилюдно, с верой в Бога и в то, что кругом враги.

Он многое бы отдал, чтобы оказаться подальше от всех этих партий и идеологических баталий. В тишине ему лучше думалось. Весь его опыт доказывал, что идея, брошенная в массы, уподобляется девке, брошенной в полк. Но бизнес требовал, чтобы Игорь Лукич был политически активным гражданином. И сейчас эта активность обрела вполне определенную форму – он спонсировал выборы одной крупной партии, которая рвалась в Государственную думу. Хотя с куда большим желанием он потратил бы эти деньги на строительство новой фермы. На его деньги партийцы обещали выиграть выборы, углубить рынок, спасти страну от внутренних предателей и внешних врагов. В это он не особо верил, а вот в пользу депутатского мандата для развития бизнеса не сомневался. Поэтому и участвовал в этом спектакле.

Игорь Лукич любил свою страну, но не хотел ни с кем обсуждать, как, почему и за что он ее любит. И сейчас, читая речь партайгеноссе, он в очередной раз подумал, как странно устроен мир. Казалось бы, они живут с партийным лидером бок о бок, в одной стране и даже в одном городе, а кажется, что в разных мирах. Верховному партийцу весь мир угрожал, куда-то не пускал, чинил козни и делал подлянки. Игорь же Лукич не имел к миру претензий, точнее, все вокруг существовало для него только в виде сводок на тему экспорта и импорта молочных продуктов. Это был его фронт, и статистика выполняла роль донесений с театра военных дей-

ствий. Больше Америки ему угрожала Беларусь. Он преклонялся перед Лукашенко и желал ему мучительной смерти.

Ну как батьке Лукашенко удалось добиться, чтобы на одного белоруса молока производилось почти в четыре раза больше, чем на одного россиянина? Хотя понятно как. Все, что он сдирал с России, он вкладывал в сельское хозяйство и не воровал, сука. И белорусские сыры давили Игоря Лукича, брали его за горло.

В России же молочные реки мелели. Игорь Лукич кожей чувствовал, что статистика отчаянно врет, рисуя символический один процент роста. Производство молока топталось на месте и тем самым не пускало его бизнес вперед.

Игорь Лукич знал про молоко все. Он знал, что Россия производит молока столько же, сколько страны Африки, то есть очень мало, по мировым меркам. И что мы близко не выходим на рекомендации врачей по потреблению молока. Он знал катастрофичность нашего отставания. Например, что одна «средняя» корова в ГДР на момент слома Берлинской стены давала столько же молока, сколько корова в нынешней России, то есть спустя четверть века. От этой математики ему хотелось выть. За эти четверть века немцы в два раза увеличили надои с одной коровы. А у нас поголовье коров стало таким же, как во времена коллективизации, когда коров резали, лишь бы не пустить в колхозное стадо.

Зато у нас есть «Сколково», где утонченного вида мальчики важно произносят слова «коучер», «франшиза», «тимбилдинг», а в сельском хозяйстве видят навоз и отсталость. Их Игорь Лукич люто ненавидел и при слове «эффективные менеджеры» скрежетал зубами. Он знал, что подкрадывается катастрофа. Россия трагически запаздывает в понимании того, что мир изменился, что именно сельское хозяйство давно стало наиболее наукоемким сегментом производства.

Объехав фермы ведущих стран мира, он воочию увидел, что происходящее там можно сравнить лишь с прорывом человека в космос. И современная корова – это не Зорька из наших детских воспоминаний о каникулах в деревне. Это стоящая на четырех ногах мини-фабрика по производству молока или мяса. Цена на этих современных Зорек, закупаемых, кстати, преимущественно за рубежом по причине вредительского сворачивания отечественной селекции и генетики, напоминает ценник на детали космического корабля, что сближает сельское хозяйство и космос уже не в поэтическом, а в прозаическом смысле. Цены на технику для современной фермы, кормовые добавки, ветеринарные препараты при обвале российской валюты тоже достигли космических высот.

Для сохранения позиции на рынке сыра Игорю Лукичу нужно было ввязаться в бой за производство молока. Иначе он сможет наращивать производство сыра только одним путем – «бодяжить», то есть делать сыр на растительных жирах, что можно назвать сыром весьма условно. Такой сценарий Игорь Лукич считал самым крайним и надеялся, что до этого не дойдет.

Ему необходимо свое молоко, много молока, молочные реки, молочные цунами, чтобы захлебываться им и тонуть в нем. Но он понимал, что без помощи государства об этом можно только мечтать. Нужны дотации, субсидированные кредиты, лизинговые схемы... И тут без этой чертовой политики не обойтись. Ради молока и сыра он готов был стать самым патриотичным бизнесменом, самым веселым участником дурацких ток-шоу, самым активным меценатом, самым болтливым гостем радиоэфиров. Словом, чертом, ангелом, героем, личным врагом Лукашенко, да хоть баннным массажистом партийного лидера. Ему нужно молоко, чтобы делать сыр – и точка.

Но для начала нужно стать депутатом Государственной думы РФ. Милая девочка Таня, постарайся, помоги мне, причеши мою неказистую историю. Сочини мою жизнь надлежащим образом.

Игорь Лукич понимал, что молодая журналистка начнет с Варвары, не удержится. «Интересно, догадалась ли Танька, почему мой офис стоит на улице с таким странным названием – Варварка?» – думал он, глядя на партийный текст.

Глава 6. Наперсток с прорезью

Таня не догадалась. Она лишь поняла, что Варвара не будет забыта Игорем Лукичом никогда. Это была штучная женщина, его двойник, свернувший на перекрестке в другую сторону. Тогда кто мог ее заменить? Любопытство подгоняло Таню сильнее, чем жесткие сроки, выставленные заказчиком. Ей не терпелось увидеть замену.

На этот раз Таня позвонила не сама, а попросила Леру устроить ей встречу с «женой номер два», продиктовав ей телефонный номер из списка Лукича. Ей хотелось воспользоваться правом давать поручения. Это поднимало Таню в собственных глазах, ведь у нее никогда в жизни не было подчиненных. Лера хмыкнула и ответила: «Будет исполнено».

Помощница Игоря Лукича оказалась исполнительной и оперативной. Она перезвонила буквально через десять минут и продиктовала адрес и время будущей встречи. Таня многократно поблагодарила, опыта общения с подчиненными у нее не было.

К назначенному времени она подъехала по указанному адресу. Дом был другого уровня, чем у Варвары, и гораздо ближе к центру. Добротная «сталинка» с огороженной территорией, со шлагбаумом, защищающим двор от чужих машин. Все дышало благородством и достатком. Лепнина по фасаду дома в виде серпов и молотов восхваляла социализм и намекала на неизбежную победу коммунизма. Ирония судьбы заключалась в том, что теперь здесь жили те, кто сломал хребет этому самому социализму. Дорогие иномарки во дворе говорили о том, что жизнь их хозяев удалась. Словом, вторая супруга Игоря Лукича неплохо капитализировала факт своего замужества. Для оплакивания разбитой семейной лодки ей досталось куда более престижное и уютное место, чем Варваре.

Таня поднялась по лестнице, проигнорировав лифт. Было приятно идти по широким, вытертым временем ступеням, держась за добротные деревянные перила, и заглядывать в лестничный проем. Было в этом что-то киношное. Таня в таких домах прежде не бывала. На лестничной площадке размещались лишь две квартиры. Рядом с ними органично смотрелись бы латунные таблички с именами жильцов и указанием их рода деятельности, типа «профессор Преображенский». Но табличек не было, и оставалось только гадать, кто живет в таком солидном месте.

Поднявшись на нужный этаж, Таня нашла дверь, в которую ей предстояло войти, но взяла паузу. Она достала зеркальце, бдительно проверила, не смазалась ли подводка на глазах, поправила челку, облизала губы и даже зачем-то осмотрела зубы. Место обязывало. Что-то подсказывало ей, что хозяйка будет не в клетчатой рубашке, как Варвара.

И действительно. Дверь открылась, и Таня замерла от неожиданности.

На пороге, наслаждаясь произведенным эффектом, в чем-то благородно-бежевом стояла Лера, помощница Игоря Лукича. Ее смеющиеся глаза подошли бы к афише фокусника, который ловко одурачил публику. Немая сцена была похожа на минуту славы Леры. Она сияла как-то даже слишком откровенно для утонченной француженки.

– Ну что? Стоять будем? Или все-таки войдем?

Таня переступила порог. И оказалась в пространстве, которое язык не поворачивался назвать коридором. Это был просторный холл, в углах которого наподобие верстовых столбов стояли внушительные напольные вазы. У Тани мелькнула предательская мысль, что в такой вазе можно спрятаться, если что.

Хотя от кого прятаться? Что за глупость? Чего она напряглась? Да, неожиданный сюрприз, но ничего страшного не случилось. Надо побыстрее сузить расширенные от удивления глаза и вспомнить про цель визита. Лера повела ее в глубь квартиры.

– Чай? Кофе? – спросила хозяйка натренированным голосом.

– Чай.

- Ну чай так чай.
- И, если можно, зеленый, – спохватилась Таня.
- Почему же нельзя? Значит, будем под зеленый чай сплетничать?
- Так уж и сплетничать...

– Ах да, пардон. Назовем это доверительным общением или заинтересованным обсуждением личной жизни шефа. Я готова.

Они прошли в столовую. Таня поняла это по большому овальному столу, стоящему по центру в окружении стульев, напоминающих реквизит из фильма «12 стульев». Видимо, в этом доме на кухню гостей не приглашали. Считали моветоном. Обстановка диктовала свои правила. Сидеть, поджав ногу, на таких стульях было немыслимо. Спина сама собой выпрямилась, локти прижались, и Таня почувствовала, что уподобляется воспитаннице благородного пансиона.

Что стало бы с ней, поживи она в такой обстановке день, неделю, месяц? Одно дело – обитать в панельной пятиэтажке на городской окраине и пить чай из пакетиков на крошечной кухне, и совсем другое – проживать в пределах Садового кольца, кушая из красивой посуды вот в такой столовой. Это не проходит бесследно. Она наверняка была бы другой, иначе бы двигалась, говорила, думала, дышала. Иначе жила. И, возможно, со временем в ней появился бы тот лоск, которым сражала наповал Лера. Интересно, на сколько хватило бы этого шарма, засунь Леру в маршрутку с шансоном, отдави ей ногу в московском метро в час пик? Счет бы пошел на дни, а может быть, на часы.

Тане срочно захотелось узнать, как попадают в такую сказку, на каком жизненном лифте поднимаются на такие высоты. Пользуясь случаем, она маскировала личное любопытство под служебное задание.

– Простите, Лера, можно я вас так буду называть? Я так поняла, вы с Игорем Лукичем познакомились, когда он уже состоятельным человеком был? – спросила она, принимая тонкую фарфоровую чашку, сквозь которую просвечивал чай.

- Да, вполне. Иначе мы бы не познакомились.
- Не поняла.

– А что тут непонятного? Я хотела получить, как вы выразились, состоятельного мужчину, а он хотел иметь роскошную женщину. Это был равноценный обмен, никакого мошенничества, баш на баш. Каждый получил желаемое. Сделка состоялась.

– Лера, если я как-то неудачно выразилась... Простите, я не хотела вас обидеть.

– Обидеть? – Лера засмеялась низким голосом, от которого Таня почувствовала свою полную и безоговорочную неполноценность.

Это был смех сдержанного превосходства. Обидеть Леру Таня не могла по той же причине, по которой муравей не может оттоптать ногу человеку. Рядом с Лерой не было места для второй женщины. Вокруг нее все превращалось в средний или мужской род. Средний род она обращала в зрителей, а мужской род становился одержим ею. Про такую Леру один певец пел, как будто канючил: «Ах, какая женщина, мне б таку-у-у-ю». А нету больше, баш на баш уже свершился.

Таня не могла стать мужским родом и поэтому не представляла для Леры никакого интереса. Оставалось признать себя средним родом и превратиться в зрителя и слушателя.

– Видите ли, Танечка, каждый человек получает в жизни то, что хочет. Это неправда, что хотели одно, а получили другое. Так рассуждают только дураки. Мы ведь с вами не из их числа? Вот вы о чем мечтали? Какую жизнь проживали, когда лет в семнадцать ложились спать? Помните эти минуты?

У нее была манера скреплять разговор постоянными вопросами. Тане это что-то смутно напоминало.

- Ну... Я засыпала.

– Бросьте. Так не бывает. Вот вы говорите маме «спокойной ночи» и уходите к себе, ложитесь в кровать и зарываете глаза. Дальше что? Ну не спать же в семнадцать лет! Эти минуты самые важные, ради них вы тащили не себе весь этот день. Вы начинаете мечтать, видеть свои желания в картинках и сюжетах. Какие они были? Что вы видели тогда?

Тане стало неловко. Да, она прекрасно помнила те минуты. Ей мечталось о журналистской славе, о собственной колонке в центральной газете, о своей программе на радио, о том, что известные люди почтут за честь ответить на Танины вопросы под включенную камеру. Ничего из этого не сбылось.

– Мало ли что я видела.

– Понятно. Облом? Вы разочарованы?

– Я просто живу, как живут миллионы. Никто не мечтал работать вахтером или гардеробщицей. Все хотели быть космонавтами или артистками. Только космических кораблей на всех не хватило. И свободные режиссеры кончились.

– Не говорите ерунды! Вы же сами в это не верите. Разве вы считаете себя одной из миллионов? Готовы признать себя равной этим гардеробщицам и вахтерам? Зачем вы врите себе и мне?

Таня не имела в планах разбор своих полетов. Вообще-то она пришла сюда за другим, но вопросы задавала исключительно Лера. По праву женщины.

– И что? Вы сдались?

– Лера, давайте лучше поговорим о вас. Вы о чем мечтали?

– Об этом.

И она обвела пространство вокруг себя холеной рукой, обрамленной безупречным маникюром.

– Многие об этом мечтали, но не у многих сбылось...

– А что такое сбылось? Не разочаровывайте меня, Танюша. Вы же журналист. Неужели не понимаете разницу между словами «хотеть» и «хочется»? Не многие хотят, большинству хочется.

Таня отметила, что вообще-то это говорил Ницше, но не стала перечить Лере. А та продолжала:

– Пока всем просто хотелось, я активно, изо всех моих дамских сил боролась, чтобы все это обрести. И получила. Вот и все.

– Я так понимаю, что вы получили это в лице Игоря Лукича.

– Да, в его лице. Но могла получить в другом лице. Это было не принципиально, главное, что я знала, чего хочу, и шла к этому. Вы шокированы? – спросила она, снисходительно улыбаясь.

– Нет, мне просто интересно.

– И что же вам интересно? Подробности? Как встретились? Какие слова он мне говорил? – Лера говорила вопросами, и это сверлило мозг Тани каким-то воспоминанием.

– И это тоже.

– А знаете, почему вам это интересно? Нет, это не просто любопытство. Вы пытаетесь разгадать свой собственный ребус: почему у меня получилось, а у вас нет. Знаете, Танечка, я думаю, что дело было так. Вы мечтали стать вторым Познером, но не сумели понять, как это делается. Вы надеялись на удачу, повторяли бессмысленное слово «судьба». И, возможно, даже плакали в подушку, не получив того, ради чего вы приехали в Москву. А потом вам на помощь пришла спасительная и баюкающая мысль, что не в деньгах счастье, что чистая совесть всего дороже, что в тихой жизни есть своя прелесть и прочее, что любят повторять неудачники. Знаете ли, честность – добродетель нищих. Поэтому вас и подобрали на журналистской помойке.

Таня съежилась. Она не могла предположить, что под тонким слоем шарма прячется железный остов торпеды.

– Вы не верите в судьбу? – жалко пискнула она.

– Я выбросила это слово из своего лексикона как вредное, – продолжила Лера. – Судьбы нет, есть лишь технология реализации мечты. Пока вы просто мечтали, я пыталась разгадать технологию и овладеть ею. Быть рядом с состоятельным человеком – это трудная менеджерская задача. Трудная, но разрешимая. Я знала, куда хочу прийти, и искала пути к этому.

– Из точки А в точку Б вышла девочка Лера...

– Да, если хотите. Моя точка А была очень далеко отсюда. Я ведь не москвичка. Моя мама научила меня многому: красиво одеваться, умению подать себя, разбираться в искусстве. На ее фоне другие женщины смотрелись как бледные моли, как лабораторные мыши. Если бы вы ее видели... Красота, изящество, ум. Она до сих пор красива, но это лишь тень былого. Представить ее надушенной «Красной Москвой» было немыслимо. Даже тогда она умудрялась найти французские духи. Словом, ей не было равных. И что? Все, что смог дать ей мой отец, – это назвать дочь ее именем. Две Леры на одну семью. Только в дурдоме бывает два Наполеона. Она тоже любила говорить слова про судьбу, про порядочность. К чему это ее привело? Во что она все это обратила? По какому курсу конвертировала? Что дала ей ее порядочность? Место заведующей литературной частью ТЮЗа и зашитые колготки. – Лера усмехнулась.

– А вы из какого города приехали? – спросила Таня.

Оказалось, что жизнь щедра на совпадения. Пунктом А для Леры и Тани был один и тот же город. Их поход на Москву начался с того самого вокзала, где девушка с веслом, покрашенная серебряной краской, неодобрительно смотрит в спины отъезжающих. Таня решила помалкивать про это совпадение.

– Значит, ваша мама тоже не умела хотеть? Она тоже неудачница?

– Не совсем. В ее время не было таких возможностей, которые появились у нашего поколения. Вокруг все были нищие и идейные. Что она могла? Ей надо было уезжать из этой страны. Она это понимала, но так ни на что и не решилась. Копалась в родословной. Ее отец имел, кажется, польские корни, но поляки были в лагере социалистических стран. Какой смысл менять шило на мыло? Так все ушло в песок... К тому же красота – очень скоропортящийся актив, его надо быстро вкладывать.

– Вы вложились в Игоря Лукича?

– А вы бы этого не сделали? – и она пристально посмотрела на Таню.

Таня смутилась, что не укрылось от Леры.

– Бросьте! Это нормально – желать себе лучшего. Знаете, когда я поняла, что не хочу повторить судьбу матери? Когда впервые поехала за границу. Конечно, в социалистическую. Это была страна, которой больше нет, – Германская Демократическая Республика. Там удивляло все: кирпичи в полиэтиленовых пакетах, чистые машины, другие люди. Но к этому быстро привыкаешь. А вот по-настоящему потрясти может только какая-то мелочь, которая засядет в голове, как заноза. У вас так было?

– Не знаю.

– Плохо. Вы слишком часто говорите «не знаю». А я знаю. Я помню тот день, когда дала себе слово жить вот так, – и она снова обвела любовным взглядом свою квартиру. – Гуляла по немецкому магазину впечатлений ради. А что там еще делать? На покупки денег все равно не было. Прилавки были похожи на музейные витрины. Смотрю – под стеклом вроде монетки лежат. Пригляделась – а это наперстки. Целая витрина разных наперстков. Можете такое вообразить? Не колечек, заметьте, а наперстков. И среди них один какой-то дефективный, с прорезью. Я стала мучительно соображать, зачем там прорезь. Может, туда нитка вставляется? И что? Куда ее тянуть? А может, как-то петельку можно поддеть? Опять же, какую, зачем? Меня так захватила эта загадка, что я зависла над витриной. Наверное, нелепый вид у меня был тогда, потому что продавец сжалилась. Поняла, наверное, что я иностранка из России, нас же везде узнавали. У русских не только особенная гордость, но и внешность. Эта немка молча

подошла к прилавку, вытащила этот наперсток и показала на себе назначение прорези. Что бы вы думали? Оказалось, что прорезь под маникюр!

Лера сделала паузу, чтобы Таня оценила громадность этой идеи.

– И вот тогда я дала себе слово, что у меня будет и маникюр, и такая жизнь, в которой без такого наперстка не обойтись. И будуар, где в перламутровой шкатулке будет храниться это.

Она встала и прошла в соседнюю комнату. Видимо, в будуар. Вернулась, зажав руку. Подошла к Тане и с видом заговорщика, который открывает самую большую тайну, сказала:

– Вот! Это мой талисман. Я купила его на последние деньги. С него я начала строить свою новую жизнь, – и она разжала кулачок.

На идеально ухоженной ладони лежал маленький металлический предмет с прорезью по ободку.

– Моя мама смотрела на мир через трубу, скатанную из пыльных журналов и дурацких пьес. Она же работала завлитом в театре. Это плохая оптика. А я выбрала взгляд на мир через прорезь в наперстке, и этот взгляд оказался более перспективным. Все остальное было делом техники, не более. Главное – выбрать себе верную оптику. Иначе вы промахнетесь, не попадете в пункт Б.

– Значит, вы превзошли свою мать? Дополнили ее красоту и изящество волей и верой в технологии. – Таня задумчиво вертела в руках Лерин наперсток.

В это время в комнату зашла кошка, пушистая, курносая и с коротким хвостом. Казалось, что у нее на лбу висит ценник с множеством нулей. Породистая кошка лениво потерлась о ногу Леры, и та неожиданно резво подхватила ее, прижала к себе и стала сюсюкать:

– Маленькая моя, пришла к мамочке. Соскучилась? Дай я тебя потискаю, красавицу мою, пушистика моего сладкого...

Но кошка не оценила порыва и прыгнула с рук «мамочки». Таня поняла, что вопрос о детях лучше не задавать.

Отряхиваясь от шерсти, Лера поучительно сказала:

– Для того чтобы продать себя за миллион, нужно выглядеть на два миллиона.

«А у нее определенно склонность к плагиату. Это же Марлен Дитрих говорила», – подумала Таня.

– И Игорь Лукич заплатил этот миллион?

– Да, – просто сказала Лера. – Он тогда резко пошел в гору, и ему нужны были соответствующие его статусу машина, квартира и жена. Он же не мог появляться в свете с дамой, которая пользуется машинкой для удаления катышков.

Удар был под дых. Таня даже не успела понять, за что ей прилетело. Она сделала вид, что не заметила укуса Леры.

– Значит, вы соответствовали его статусу?

– Не-е-ет, – грациозно потянувшись, как кошка, сказала Лера, – я была ему женой на вырост. Он не тянул на меня. Но в нем был потенциал, и я рискнула. Поставила на него и выиграла.

– Почему же не тянул? Мало зарабатывал?

– Уже вполне прилично, но не только в деньгах дело. Он тогда зарабатывал деньги как попало, по-пацански. То у него дурацкий страховой бизнес был, то риелторское агентство, то какая-то растаможка. Я раньше него узнала богатых людей близко, совсем близко. – Лера многозначительно улыбнулась. – Они уходили из этой зоны турбулентности и вращались во что-то одно, серьезно вкладывались, пускали корни. Конечно, диверсифицировали капитал, но старались иметь ядро, центр тяжести. Я первая почувствовала, что сшибать деньги на всех фронтах скоро не получится, время меняется. И Игорь до сих пор благодарен мне за то, что я направила его по этому пути.

«Она его еще и направила! Вот сука», – подумала Таня. В ней росло раздражение по отношению к Лере. Это было непрофессионально, но Таня ничего не могла с собой поделать.

– Так, значит, исключительно благодаря вам вся страна ест его сыр? И даже спасибо вам не говорит? Вот ведь какая неблагодарность, – осторожно поддела Таня.

Но Лера не заметила иронии, сквозившей в словах Тани, или сделала вид, что не заметила.

– Да, без ложной скромности скажу, что я сыграла решающую роль в выборе сырной темы.

– Вы очень много сыра съедали на завтрак? Игорь Лукич устал покупать и решил начать производить? – Таня почти дерзила.

– Оставьте свою иронию при себе. Она вам пригодится для самоанализа, – отбрила ее Лера. – Я свела Игоря с одним чокнутым, который заразил его производственной темой, с Виталием Петровичем. Он, правда, занимался мясом, курятиной, но это все одна поляна. Это мир шума и вони, что куры, что коровы, что птицефабрики, что сыроварни. Какая разница? Игорь просто заболел этим. Он мог говорить о сырах часами. И, как говорится, сыры ответили ему взаимностью. Он стал очень состоятельным человеком. Деньги ведь любят людей страстных.

– А Виталий Петрович? Он тоже страстный? – Таня спрашивала не просто так. Это имя было в списке ее будущих встреч, в разделе «хроники бизнеса».

– Еще бы! Петрович – его друг и гуру. Будете с ним беседовать, передавайте ему привет.

– Передам. Но почему вы расстались с Игорем Лукичем?

– По той же причине, по которой мы прежде расстались с Виталием Петровичем, с моим первым мужем. Тот предпочел мне куриц, – Лера невесело улыбнулась, – а Игорь променял меня на сыр.

Повисла пауза. Таня переваривала услышанное.

– Вы хотите сказать, что Игорь Лукич увел вас у Виталия Петровича? И после этого они остались друзьями?

– А почему вас это удивляет?

– Ну как-то... Высокие отношения!

– Бросьте вашу иронию. Это в вашем жлобском мире принята дурацкая однозначность. Увел жену – значит, враг. Игорь тянулся за Виталием, смотрел ему в рот. И то, что в свое время Виталий выбрал меня, было для Игоря лучшим доказательством моей исключительности. И потом, увести чужую жену, да еще у друга, – это же не каждый отважится, это поступок. Для Игоря было важно именно отважиться, в чем-то превзойти своего учителя.

– А вы?

– Что – я? Я хорошо понимала весь расклад. С Виталием все заканчивалось, это было ясно, он в любой момент мог со мной развестись. Даже губную помаду перестал застирывать, сволочь. Если и загорался, то только когда говорил про свои птицефабрики. Мне стало казаться, что для возбуждения его в постели мне нужно кудахтать и квохтать. Вокруг было полно молодых курочек, девок с куриными мозгами. А я моложе не становилась. Наш брак трещал по швам. В этот момент появилась возможность соскочить на Игоря. Так что все были премного довольны. Виталий – что избавился от меня, Игорь – что отбил чужую жену высшей пробы, а я нашла нового, вполне состоятельного мужа.

– А любовь была?

Лера посмотрела на нее зло и брезгливо.

– Такие вопросы вы будете задавать гардеробщице по случаю ее золотой свадьбы. Когда вернетесь в свою заштатную газетенку и будете батрачить на репортажах о жизни простых людей.

– Действительно глупый вопрос, как-то вырвалось... Вы же с самого начала сказали «баш на баш». Но если это хорошая сделка, то зачем потом все рушить, зачем потом разводиться?

– Чтобы не быть смешной.

– Простите...

– А что тут непонятного? – Лера рассталась с образом француженки, и в голосе ее зазвучали скандальные нотки. – Он вышел на новую орбиту и отстрелил меня, как использованную ракету. Сначала я была ему женой на вырост. Потом он меня догнал, а затем перерос и перестал во мне нуждаться. Знаете, это как перерасти «Мерседес» и пересесть на новую машину.

– Он пересел на «Майбах»? – спросила Таня, представляя себе любовницу – не иначе как принцессу Диану.

– Он пересел на «Ладу», – зло ответила Лера.

«Это старо как мир, – подумала Таня, – соперница всегда страшная и с кривыми ногами».

– Хотите еще одну картинку из заграничной жизни? Приезжаю я как-то в крутой университетский кампус в США, племянника хотела туда определить. Учеба там стоит денег совершенно космических, выглядит все, как кино про будущее. Зелень, пальмы, счастливые лица. И около главного корпуса две автостоянки. На одной стоят гладенькие, новенькие, чистенькие машинки. На другой – не рухлядь, конечно, но сильно подержанные, невзрачные. Я с переводчиком была, он мне в уши непрерывно тараторил, гонорар отработывал. Дескать, две разные стоянки, потому что на одной паркуются начинающие профессора и разный обслуживающий персонал, а на другой – их звезды, пара-тройка нобелевских лауреатов даже. Я киваю понимающе, да-да, у нас тоже во дворе не каждому парковаться можно. И тогда этот переводчик эдак снисходительно мне и говорит: «Вы не поняли. Новенькие и блестящие машины у тех, кто начинает свой карьерный путь. Они хотят обозначить свой успех. А вот дешевые машины могут позволить себе только очень значительные люди, которые миру уже все доказали».

Лера замолчала. Задумчиво глотнула чай и продолжила:

– Тогда я это только запомнила, помню, что сильно удивилась. Поняла позже, когда от меня Игорь ушел. Я больше не была для него женщиной, подтверждающей его статус. Он сырами все давно подтвердил, пробы некуда ставить. Я ему стала не нужна. Вот только когда его секретарша в отпуск уходит, он меня зовет. Мне это нравится. Вроде как в секретаршу играю...

И Лера зло закусил губу, чтобы не заплакать.

Таня поняла, что нужно быстрее уходить. Лера не простит ей, если прольет при ней хоть одну слезу. Она уходила так быстро, что босоножки застегивала уже за дверью, спустившись на один пролет для конспирации.

Широкие перила и разлапистые лестничные пролеты на обратном пути показались Тане мрачными и давящими. Как будто они вели не на улицу, а в подвал, в катакомбы. Но нет, вот дверь, а за ней солнце, духота, гудящие машины. Таня обрадовалась всему этому безобразию, как будто давно не видела и успела соскучиться.

Глава 7. Прекрасная Валерия

Вырвавшись на улицу, подставляя себя палящим лучам и просушенному ветру, Таня облегченно выдохнула. Конечно, общение с Лерой больно укололо ее самолюбие, но главная трудность беседы все же была не в этом. Самым напряженным моментом, который потребовал от Тани хладнокровия и выдержки разведчицы, был рассказ Леры о своей матери, заведующей литературной частью провинциального ТЮЗа.

Пока жеманная Лера вспоминала свою мать, ни за грош растратившую шарм в глухой провинции, Таня думала только о том, как обратить свое лицо в подобие гипсовой маски, чтобы на нем не отразились эмоции и чувства, распирающие изнутри. Поверить в такое совпадение было трудно, но факт оставался фактом. Таня пыталась не выдать, что она знакома с мамой Леры. Нет, неверно. Она не просто знакома, она боготворит эту женщину, обожает ее и винит в своих журналистских мытарствах. Если бы не она, кто знает, кем бы стала Таня Сидорова?

С чего начинается выбор профессии? Для одних – с трезвого расчета, для других – с наставления родителей, которые «плохого не посоветуют», а кто-то идет наугад, не подумав, иногда просто за компанию с одноклассниками. И, что интересно, вероятность ошибиться, разочароваться в выбранной профессии во всех этих случаях примерно одинаковая.

У Тани роман с журналистикой начался с нечаянной встречи, случайного знакомства, в котором восторженное воображение увидело провидение, знак судьбы, не меньше.

Она, тогда еще школьница, долгие другие хлопала в ладоши на премьере спектакля в местном ТЮЗе. Большая часть зрителей уже покинула зал и штурмовала гардероб, а она все аплодировала, потрясенная увиденным. Но вот занавес закрылся окончательно, и она побрела к выходу. Обычно в проходе между кресел стояли продавцы программ, цены на которые по абсурдности соперничали только с ценами в театральном буфете. Но тут проход был свободен. Стояла лишь одна женщина примечательной внешности, узкая в любом поперечном сечении. На ней было странное платье ассиметричного покроя, которое подобает носить представителям богемы. Кроме того, она была в туфлях, что выдавало в ней местную аристократию, причастную к театральному миру. Дело было зимой, а зрители не имели привычки переобуваться в театре.

Женщина в туфлях заслонила проход и спросила позволения задержать девушку на пять минут. Само то, что она спросила не разрешения, а позволения, подтвердило ее прописанность в мире искусства. Дальше пошли вопросы на уточнение: понравился ли девочке спектакль? любит ли она театр? какие другие спектакли ТЮЗа смотрела? При этом она обращалась исключительно на «вы», что было приятно и странно само по себе. По законам жанра дальше должно было последовать приглашение сниматься в кино. Таня была к этому готова, ведь о подобных историях она читала в интервью с артистками. Вместо этого женщина в туфлях неожиданно спросила: «А вы не хотите попробовать написать заметку об этом спектакле? Для местной газеты». У школьницы учащенно забилось сердце. Крылов бы описал ее состояние не иначе как «в зобу дыханье сперло». Но это не поэтично, лучше прибегнуть к языку Бунина. Таню словно поразил солнечный удар! Только там ударило любовью, а тут – обещанием известности и славы. Она замешкалась, и женщина в туфлях переспросила: «Так хотите?»

Девочка поняла, что хочет. И хочет страстно, отчаянно. Она просто жаждет написать заметку о спектакле ТЮЗа и проснуться знаменитой. В школе, на улице, в магазине ее будут останавливать люди и спрашивать: это не вы автор той чудесной заметки? Она будет как навигатор, как штурман в мире искусства. Все будут знать ее фамилию, передавать из рук в руки газету с ее заметкой, потрясенные тем, как тонко она чувствует искусство вообще и этот спектакль в частности. Осталось дело за малым – передать свои чувства с помощью слов, облечь впечатления в фразы и заразить своим настроением читателей.

Весь вечер и полночи она писала рецензию. Высокая, звенящая нота восторга от спектакля не хотела быть распластанной на бумаге, она уворачивалась из-под шариковой ручки, испарялась с поверхности чернил. Ловля впечатлений сачком слов оказалась очень трудной работой. Но худо-бедно дело было сделано. Из кучи перечеркнутых и перемаранных страниц родился окончательный текст. Перечитав его, Таня немного расстроилась. Кажется, она чувствовала сильнее и ярче, чем выражали подобранные ею слова. Она еще раз перечитала текст, потом еще раз и еще. И с каждым разом найденные фразы становились привычнее, претензии к ним теряли былую остроту. Таня словно притиралась к своему тексту. В итоге она сначала смирилась с ним, а потом и восхитилась им. Так бывает.

И девочка гордо понесла свой шедевр женщине в туфлях, которая работала заведующей литературной частью театра и носила соответствующее имя – Валерия Геопольдовна. Вообще-то ее папу звали Леопольдом, как кота, которого мучили два наглых мышонка, а он, как идиот или пацифист, что часто одно и то же, предлагал им дружбу. Но работница ЗАГСа мультфильм про кота Леопольда не смотрела и записала имя на слух. Слух у нее был так себе, не музыкальный. Папа же заметил ошибку, но радостно промолчал. Его имя ему не очень нравилось. Сходство с котом-пацифистом было почти унижительным. Не добавляли радости и подозрения в еврейском происхождении его имени. Ему приходилось, как бы к слову, разъяснять окружающим, что в его имени живут польские корни. И это смотрелось как оправдание, что только усиливало подозрения. Словом, он обрадовался ошибке глуховатой тетки из ЗАГСа. И дочь стала Валерией Геопольдовной, что предопределило ее возвышенную профессию. Ну разве мыслимо с таким именем быть ткачихой или поварихой? Конечно, нет. Так имя прибило ее к искусству.

Таня Сидорова, зажав рецензию между учебниками физики и химии, пошла в ТЮЗ сразу после уроков. Ее распирало желание сообщить подружкам, куда и зачем она идет, но она сдержалась. И не из скромности. Просто не хотелось смазывать будущее впечатление, когда выйдет заметка. Пусть это будет для всех полным сюрпризом, что создаст эффект разорвавшейся бомбы. Автор заметки вошла в здание театра и прошла всех часовых, повторяя как пароль «Я к Валерии Геопольдовне».

Само то, что ей было позволено пройти в театр вне положенного для зрителей времени, приподнимало ее в собственных глазах и создавало атмосферу праздника. Розы цвели в душе девочки, державшей наперевес исписанный лист линованной бумаги. Она не просто шла. Она проходила первые метры своего пути к славе и известности. Сейчас ее похвалят и скажут, что делать дальше. Написать о другом спектакле? Рассказать всему свету о блестящем исполнителе роли Ромео, в которого она была немножко влюблена? Спросят совета, какую пьесу выбрать для следующей премьеры?

Перед дверью с табличкой «Заведующая литературной частью» девочка приостановилась, поправила челку и придала лицу выражение скромной сдержанности, готовясь к лавине похвалы. Постучала.

– Да-да, войдите. – Хозяйка кабинета приветливо улыбнулась. – Ах, это вы? Уже написали? Так быстро? Как вас зовут, не напомните? – Валерия Геопольдовна говорила исключительно в вопросительной форме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.